

Лис Теру

СТРАННЫЕ ЛЮДИ

У тебя проблемы, новенький

Лис Теру

Странные люди

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51783154

Странные люди: роман / Лис Теру: Росмэн; Москва; 2020

ISBN 978-5-353-09467-8

Аннотация

Добро пожаловать, новенький!

Тебе предстоит долгое, долгое лето.

Заброшенный пионерский лагерь приготовил для тебя такие зловещие тайны, от которых ты не будешь спать по ночам и не спрячешься даже ярким солнечным днем.

Что скрывают обитатели этого лагеря от других людей? О чем умалчиваешь ты сам, новичок?

Это странное лето станет для всех вас особенным временем.

Словно маленькая жизнь и немного смерть.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	39
Глава 7	48
Глава 8	58
Глава 9	71
Глава 10	90
Глава 11	100
Глава 12	118
Глава 13	133
Глава 14	140
Глава 15	147
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Теру Лис

Странные люди

Роман

© Лис Теру, текст, 2020

© Макет, оформление. ООО «РОСМЭН», 2020

Маме, Музе и Космическому Страннику

Часть первая

Глава 1

Кит

«Всегда можно уйти»

Асфальт был потрескавшийся, вытертый, размытый дождями и стаявшим по весне снегом. Точно посреди въезда располагалась глубокая яма, по форме напоминающая Африканский континент, дно которой сейчас устилала серо-белая в крапинку перина из сухих цветов акации, ржавых сосновых игл и тополиного пуха. Дальше, у самых выгоревших на солнце ворот, сваренных из толстых металлических труб, прямо посреди дороги обосновались муравьи. Проржавевший насквозь высокий забор, опоясывающий территорию лагеря, утонул в клене и лебеде, от названия – некогда красных бетонных букв на обшарпанном помосте – лишь жалкие остатки.

«Попал».

Кит стоял перед стянутыми ржавой толстой цепью половинками ворот, изображающими поднимающееся из-за го-

ризонта солнце, и вытягивал шею, пытаясь разглядеть за ними, среди сорняков, сосен и полусухих акаций, хоть какое-то свидетельство человеческого присутствия. Ощущение, что он совершил серьезную ошибку, все крепло.

«И что теперь?»

Справа и слева гудел сосновый лес, заливались птицы. За спиной Кита лежала раскаленная июньским солнцем трасса и остатки автобусной остановки. Город остался далеко – за чередой поворотов, полосой железной дороги, заправок, автоцентрами и гипермаркетами.

Сюда он добрался без проблем. Просто повезло. Хмурый грузный дачник, все время вытирающий лицо клетчатым платком, подбросил его до поворота на своих стареньких «жигулях» и только раздраженно отмахнулся, когда Кит спросил, сколько ему должен.

«Обратно?»

Наверное, надо было так и поступить. Развернуться, пойти по обочине в сторону родного плавящегося от жары города, лелея надежду поймать попутку, и раз и навсегда забыть всю эту бредовую затею, которая началась в гроыхающем всеми сочленениями трамвае.

Самый обычный на вид мужчина, лет сорока, в светлом тонком костюме, стоял как раз напротив Кита, время от времени бросая на него внимательный взгляд и задумчиво улыбаясь. Потом он заговорил. Точнее, губы его зашевелились, и Кит, решив, что его хотят спросить о стоимости проезда

или еще о какой-то важной мелочи, двумя пальцами вытянул из уха капсулу наушника.

После пары туманных фраз о «некоторых особенностях» и обещания «помочь справиться» прозвучало то, от чего сердце Кита ухнуло в желудок. «Странные сны».

Увидев, как побледнел собеседник, мужчина назвал ему адрес, а точнее, маршрут и вышел на первой же остановке.

Кит обдумывал его слова несколько дней. Известная чужому человеку тайна, само существование которой он нередко отрицал, засела в голове болезненной глубокой занозой. Кит колебался, искал объяснения, а в голову лезли гипнотизеры, черные трансплантологи, торговцы людьми, сектанты и почему-то булгаковский Воланд.

И вот ровно через пять дней он поймал машину на автобусном кольце в северной части города и, запинаясь, попросил высадить его на трассе, через несколько десятков километров, чувствуя себя полным идиотом. Как и сказал незнакомец, там оказались только сосны да заброшенный детский загородный лагерь, некогда принадлежавший, скорее всего, какому-нибудь заводу.

«Уезжать? Или нет?»

От постоянного недосыпа мысли были вялыми и неповоротливыми.

Он никак не мог определиться, чего хочет больше. Взгляд Кита снова заскользил по ржавому забору, по сорнякам, по выгоревшим воротам и вернулся к разрушенным бетонным

остаткам названия лагеря. Надпись была практически уничтожена. Серое крошево да ржавые обрубки арматуры – все, что осталось от первых букв. И лишь в самом конце еще сохранилось уже бледно-розовое, потрескавшееся и весьма настораживающее «... ец».

Кит фыркнул, отогнав от себя десяток наиболее подходящих вариантов названия для столь живописного местечка, и двинулся на штурм калитки. Сосны настороженно поскрипывали узловатыми ветками ему вслед.

Пронзительно вскрикнули петли: калитка поддалась первому же рывку и припорошила его кроссовки горстью ржавой трухи. С ближайшего куста сорвались перепуганные воробьи, но уже несколько секунд спустя забытое людьми место снова накрыла тишина. Лагерь с загадочным названием был укутан серой густой паутиной забытья.

«Помощь... Он предлагал помощь. А мне нужна помощь?»

Прямо перед воротами, через каких-то двадцать шагов, располагалась вымощенная плитами небольшая квадратная площадка, сейчас почти затерявшаяся в траве, где в полукольце синих елей высилась на пьедестале статуя горниста. У статуи не хватало головы и руки с горном, но сама поза была уж слишком красноречива. Кит не стал подходить. Тенистая аллея тянулась справа от площадки вглубь территории, и там, за соснами, акациями и разросшимися кустами барбариса, виднелось двухэтажное здание из посеревшего от вре-

мени кирпича, больше всего походившее на спальный или административный корпус. Туда он и направился, минуя выгоревшие на солнце стенды с бледными оптимистическими надписями из серии «Так мы отдыхаем», одноэтажные постройки неизвестного назначения с заколоченными дверями и окнами, заросли декоративных кустарников и разрушенные вазоны с сорняками, среди которых проглядывали героически проросшие цветы. Ему просто надо было куда-то идти.

Шуршащие заплатки из сухих игл и цветов акации устилали все ямки и трещины, и этот шелест под подошвами немного успокаивал. Впервые в этом незнакомом, пугающе пустынном месте напряжение покинуло его. Он всегда мог вернуться. Рюкзак с самым необходимым болтался за спиной, в кармане вместе со смятыми купюрами лежал мобильный, который всегда молчал. Но раз уже приехал, чего бы не исследовать округу? По крайней мере, пока он не убедится, что ошибся и местный злой сторож не выставит его за ворота.

«И чем быстрее, тем лучше».

Пели птицы. Так пели, что желание достать из рюкзака наушники умерло, не успев оформиться. Воздух, свежий, чистый, пропитанный сосновой смолой, нагонял приятную сонливость, особенно ощутимую после тяжелых ночей.

Ветер скрипел качелями на детской площадке, виднеющейся за соснами слева. Площадка, тоже старая, выгоревшая

и проржавевшая, вызывала желание опробовать все ее качели немедленно. Особенно хороши были просторные деревянные кресла на высоких турниках. Для малышей они были высоковаты, а вот для таких, как он, в самый раз. Словно созданные для того, чтобы лечь с полной головой музыки, текущей по белым шнуркам наушников, подогнуть ноги и качаться, глядя на небо.

Он даже остановился, внезапно поняв, что отлично знает, каково это – качаться на таких вот качелях. И что синие справа ходят туго, а вот ближайšie, зеленые, даже почти не скрипят. Холодок, вызывающий дрожь, словно прикосновение бесплотного духа, пробежал по спине, оставляя за собой след мурашек, несмотря на знойный день, и Кит стиснул зубы, предчувствуя начало ненавистных «глюков», как он сам их называл. Мощное дежавю, потом холод, потом...

Этого призрака с ледяными ладонями он знал лет с пяти. А может, и раньше, просто не помнил. Призрак приносил ему странные сны, которые потом кусочками пазла вкладывались в его реальность. Кит часто не помнил этих снов. Утро туманило их, отвлекая от призрачных тревог, но в определенный момент воспоминания возвращались. Вот и сейчас.

Тогда была, а точнее, еще будет ночь.

Ночь. Не по-летнему холодная и полная озверевшего комарья. В выбоине в центре площадки горит костер, подкормленный иглами и тонкими сухими ветками. Пахнет жарены-

ми сосисками, скрипят качели. Зеленые заняты, но кто сидит на них – не разглядеть. Видно только сброшенные на землю стоптанные сандалии с заклепками, утонувшие в пыли и сосновых иглах.

Две тени кружатся по ту сторону огня в странном медленном танце, копируя движения друг друга. Лиц не разобрать. Только в один миг мелькает что-то желтое в свете костра и тут же пропадает.

Ветер снова пробежался над лагерем, и Кит вернулся в реальность, в жаркий, пахнущий сосновой смолой полдень. Вот только желтое пятно впереди, на детской площадке, не пропало. Кит едва сдержался, чтобы не рвануть туда, но вовремя остановился. Это вполне мог быть пакет из-под чипсов или еще какой-то ерунды.

Глава 2

Пакость

«А мне по фигу!»

В двухэтажной громадине лагерного корпуса – холодном при любой погоде, побитом жизнью здании с большими пыльными окнами, гулкими коридорами, мумиями мух на подоконниках – царила давящая унылая тишина. Потому что четверо сидящих по разным помещениям людей просто не могли заполнить звуками такое пространство.

Они жили здесь пять дней. Вяло знакомились, шатались по территории, ходили в столовую, скучали, но лагерь не покидали. Почему-то. У каждого находились причины, которыми он ни с кем не делился. Впрочем, тут никто ни о чем и не расспрашивал.

На всей территории – гектаров пять, а то и больше – не было никого, кроме них, четверых. Разве что насекомые, птицы да верткие белки, изредка мелькающие в ветвях.

Пакость, расслабленно вытянув ноги, сидел на ступеньках между вторым и первым этажом, прямо на грязной, вытертой лестнице и со скуки курил вторую сигарету подряд. Он уже час бесцельно пялился в окно, наблюдая, как треплет ве-

тер крону реликтового тополя, которые тут росли почти на каждом шагу.

Пакость был высоким и костлявым типом с большими ладонями, выпирающим кадыком и сутулой спиной. За эти пять дней он уже напрочь забыл, с какими надеждами пришел сюда, и просто проживал день за днем, обещая себе завтра уехать. Но завтра превращалось в сегодня, а он даже не спешил собирать вещи. Потому что было лень. Потому что тут было так тихо. Потому что никто на него не орал и не обвинял ни в чем.

Курить не хотелось до тошноты, но Пакость курил. Потому что никак не мог придумать другого занятия. Да и нравилось ему это нарушение порядков. Выдыхать клубы сизого табачного дыма там, где раньше это делать строго запрещалось.

Когда внизу слышались чьи-то гулкие, тяжелые шаги, он сначала не обратил на это внимания. Лис и Немо куда-то ушли с самого утра, так что пугаться не следовало. Но когда вошедший, рассеянно потоптавшись в холле под лестницей, где кроме ободранных стендов и пожелтевших рисунков ничего не было, направился к лестнице, Пакость медленно затушил сигарету о ступеньку. Места были глухие, территория не охранялась. Мало ли кого принесло на огонек...

Однако стоило пришельцу показаться на лестнице, как напряжение отступило. Набыченный коренастый парень в темной футболке и с рюкзаком за спиной был явно из их племе-

ни. Воспаленные от мучительной бессонницы глаза, глубокие носогубные складки и опущенные уголки рта придавали ему совершенно изнуренный вид.

– О, да у нас пополнение, по ходу... – оскалился Пакость, обнажая желтоватые от курева зубы. – Поздновато тебя принесло...

Новичок остановился, одарив его хмурым, напряженным взглядом из-под темных бровей. Он молчал долгих несколько секунд, словно прикидывая, что из себя представляет встреченная преграда. Преграда в свою очередь так же изучающе разглядывала его всего, от старых кроссовок до квадратной нижней челюсти и коротко подстриженных темных волос. Новенький весь был какой-то квадратный. Невысокого роста, но широкоплечий, с короткой шеей.

– Привет, – крайне неохотно нарушил молчание пришелец. Голос у него оказался глухой и хрипловатый. Сразу видно, тот еще молчун. – Где тут можно начальство здешнее найти, не знаешь?

– Кого? – хохотнул Пакость, поднимая со ступеньки полупустую мятую пачку. – Начальство? Тут лет десять-двадцать уже никого нет... А тебя родители на отдых отправили, да?

Он с удовольствием заметил, что лицо незнакомца от растерянности на секунду стало по-детски беззащитным.

– А ты тогда что здесь делаешь? – с каплей раздражения спросил пришелец, вновь нахмурившись.

– Я? – Пакость снова усмехнулся. – А мне по фигу, есть

здесь кто-то или нет. Мне и так хорошо.

– Понятно. – Последнее новичок уже процедил сквозь зубы.

Пакость был готов к драке, к перепалке, к конфликту, которым мог бы хоть на несколько минут всколыхнуть это серое болото, однако незнакомый парень просто развернулся и поспешил вниз. Широкие шаги выдавали кипящий внутри гнев.

– Эй! – Пакость свесился с перил, но пальцы только мазнули по рукаву темной футболки. – Ты чего нервный такой? Да расслабься! Ты ж из наших небось, пополнение местного цирка уродов? Так располагайся! Вон места как грязи. Эй!

Голос его эхом разнесся по пустому, выложенному серой плиткой холлу. Новичок дошел до середины холла и только потом обернулся. С двух сторон от него темнели черные норы коридоров пустого первого этажа.

– Что значит из «ваших»? – раздраженно спросил он, пряча руки в карманы темных джинсов. – Я тебя вообще не знаю!

– Да я-то тут при чем, – фыркнул Пакость, свесившись с перил еще сильнее, чтобы лучше видеть. – Тебя почему пригласили? Это все бред и психушкой пахнет, но у каждого из тех, кто тут торчит, есть что-то, из-за чего он сюда приперся. Что в тебе такого?

– Да нет во мне ничего такого!!! – совершенно внезапно вспыхнул новичок, почти сорвавшись на крик. Пакость даже

отпрянул. – С чего ты взял?!

Непрошибаемый тугодум в секунду превратился в комок гнева, черты лица исказились, кулаки сжались. Пакость нервно покосился на один из темных провалов коридора, понимая, что их уже услышали. И правда. Там, в пыльной темноте, хлопнула, зазвенев едва держащимся в раме стеклом, дверь библиотеки и зазвучали торопливые легкие шаги.

– Тише, тише... Нам только буйного не хватало для полного счастья... – пробормотал Пакость. – Тихих психов уже навалом.

Глава 3

Немо

«Меня нет»

Гнев схлынул, и Киту стало стыдно, что он потерял над собой контроль. Тем более с подначек этой прокуренной образины. Хотелось сказать что-то спокойное, но едкое, чтобы заткнуть этого длинного придурка и уйти ловить попутку, но, как часто бывает в такие моменты, в голову ничего не пришло.

– Эй, Соловей-Разбойник, может, не надо добрых молодецов отпугивать? – негромко донеслось справа.

Кит вздрогнул и обернулся. Еще час в этом заброшенном лагере – и он готов был поверить в привидений. Из чернильного душного мрака бледным призраком выплыла еще одна обительница странного места и остановилась, зябко обняв себя за плечи и внимательно смотря на Кита. Если бы не голос, он бы так с ходу и не определил ее пол. Стрижка с беспорядочно торчащими прядями, едва прикрывающими уши, длинная свободная футболка, впалые щеки, высокие скулы... Вполне бы сошла за мелкого паренька.

Успевший достать его парень усмехнулся. С лестницы он

не мог видеть девушку, только слышал голос.

– Уймись, Книжный Червь. Кто ж знал, что оно такое психованное. Прости...

– Ладно, ладно. – Ее тон изменился за секунду, превратившись в такой же небрежно-раздраженный. – Забыли...

Шаг, и Книжный Червь вышла из тени. Сразу стало видно, что вся одежда, лицо и руки девушки перепачканы густой пылью, словно она специально в ней измазалась. На волосах тряпичной диадемой повисли лохмотья паутины. Книжный Червь остановилась в трех шагах от Кита и примирительно показала грязные ладони.

– Не сердись на Пакость. – Голос ее теперь звучал ровно, но зеленые тусклые глаза смотрели подозрительно и испуганно, словно она ждала удара. – У него странный юмор. Ты новенький? Добро пожаловать в нашу маленькую компанию.

– В какую еще компанию? – раздраженно проворчал Кит.

Он злился, не понимая, что происходит, а ему никто не спешил ничего объяснять. Сначала приперся сюда, в неизвестность, а теперь эти двое ведут себя так, словно все само собой разумеется. Он бросил быстрый взгляд на ступеньки – курильщик словно испарился. Только там, наверху, слышны были его шаркающие шаги. Новая волна раздражения сразу немного поутихла. С уходом неприятного типа сразу стало как-то легче. Теперь они остались вдвоем в пыльном полумраке холодного корпусного холла. За окном заговорщицки шептались тополиные листья. Осуждающе скрипели сереб-

ристо-черные ветви.

Вдох. Медленный выдох.

– Я не понимаю, о чем ты, – как можно спокойнее и ровнее произнес Кит, слабо чувствуя вину за то, что так неприветливо встретил девушку. Впрочем, кто она ему? Он ее не знает, хоть и держится она доброжелательно, в отличие от того, кого назвала Пакостью.

«Хорошее имечко, кстати. Подходит».

Новая знакомая улыбнулась. Она не была красивой, но не из-за какого-либо дефекта, просто такие лица не привлекают внимания. Слишком простое лицо. Никакое. И этот почти затравленный взгляд в сочетании с умиротворяющей полуулыбкой.

– Помочь тебе найти комнату?

Перехватив ее взгляд на рюкзак, висящий у него за спиной, Кит до смешного отчаянно вцепился в лямку на плече. Словно девушка хотела забрать у него вещи.

– Я пока не собираюсь здесь оставаться.

Книжный Червь одарила его долгим, недоверчивым взглядом, а потом медленно и как-то скованно кивнула. Она принимала какое-то решение.

– Пойдем поговорим, – тихо предложила девушка таким тоном, словно ждала только категорического отказа. – Только не здесь, если можно. Есть более уютное место.

И она растворилась в темноте коридора, из которого вышла, не дожидаясь согласия. Кит, морщась от всех этих

странностей, последовал за ней. Пять шагов по темноте, ориентируясь на светящиеся щели, обозначающие двери. Захрустела под ногой штукатурка, звонко клацнула выбитая плитка, и нос Кита уловил знакомый и почти родной запах. Пахло книгами. Старыми, читаными-перечитаными, затертыми, пыльными книгами. Его проводница с силой толкнула перекошенную дверь с замазанным краской стеклом, и он ослеп от ударившего в лицо дневного света.

Лагерная библиотека. Небольшая, вытянутая, пропитанная пылью комнатуха с несколькими столами, разломанными стульями и рядами полупустых книжных стеллажей. Его новая знакомая подходила к этой комнате, как последний неприметный кусочек пазла к уже сложенной огромной картине. Его отсутствие незаметно, но стоит его поставить на место, как понимаешь, что только теперь изображение завершено.

– Тебя сюда тоже пригласили.

Книжный Червь прошла вдоль пары столов и села на третий, последний. Она не спрашивала, она утверждала. Кит, удержавшись, чтобы не последовать за девушкой, остановился у первого стола. Неприятное ощущение, что она почему-то боится, не отпускало.

– Ну пригласили, и что? – Кит снова нахмурился. – Я хотел посмотреть, что здесь будет, узнать, как он будет мне помогать, а вышло, что зря ехал...

– Почему? – В ее тоне было настоящее удивление. Если

бы не напряженная поза и не скрещенные на груди руки, это могло бы сойти за откровенный разговор. – Мы же тут. А больше никто и не нужен. Ты пятый, знаешь ты или нет. Наверное, не знаешь... Мы думали, больше никого не будет. Наверное, тебя поздно обнаружили...

– И давно вы тут? – спросил Кит, опять начиная раздражаться. – Что вы тут делаете вообще?

Книжный Червь снова одарила его странным настороженным взглядом и неожиданно достаточно порывистым движением сложила ладони в молитвенном жесте.

– Я все расскажу, только ты не сердись на меня, хорошо? Просто не сердись. Не надо.

Последнее было сказано с такой искренней мольбой, что Кит пристыженно поежился и кивнул. От его нервов ситуация уж точно не станет понятней. Рюкзак тяжело рухнул на пол, и парень пристроился на краешке стола, всем своим видом показывая, что будет слушать внимательно. Пыль лезла в нос, он боролся с желанием расчихаться.

– Нас всех сюда пригласили. У всех есть причины, э-э, усложняющие жизнь. Наши некоторые особенности. Мы с Пакостью пришли сюда, чтобы от них избавиться, а Лис и Спящая... – Девушка пожала плечами. – Я с ними толком еще не говорила об этом. Мы тут всего пять дней. Я не знаю, как нас искали и как находили, но они не ошиблись.

– Они?

– Те, кто нас сюда пригласил. Двое мужчин и женщина.

Они нас тут оставили. Имена сейчас я даже не вспомню... Не запоминала.

– Зачем вы им?

– Им – ни зачем. Мы нужны себе. Мы тут, чтобы справиться со своими особенностями.

– Как?

– Ну... пока не знаю.

– Бред! – Кит, рационалист и скептик, надеявшийся получить четкое объяснение происходящему, на мгновение забыл про свое обещание и с досадой пнул остатки стула с малиновой, покрытой пятнами обивкой на сиденье.

– Какие-то странные типы зовут вас в заброшенный детский лагерь, запирают вас тут, исчезают, а вы и не чешетесь?!

– Никто нас не запирает! Мы можем уйти когда хотим! – запальчиво возразила Книжный Червь и, резко выдохнув, уже ровней добавила: – Но пока никто не захотел. Тут хорошо. Правда.

– Тут? – Кит раздраженно обвел взглядом библиотеку – царство пыли и мертвых мух.

– Тут. Скучновато, но хорошо...

– И долго вам тут торчать?

– Хоть все лето. – Ее губы тронула неуверенная напряженная улыбка. – Тут есть кухня, запас продуктов, и два раза в неделю приезжает машина, которая привозит хлеб, ну и то, что может быстро испортиться. Есть свет. Есть горячая вода. Связь не везде хорошо ловит, но на втором этаже, где

мы спим, вполне сносно.

– Не хило этим типам обошлась аренда и организация всего этого, – присвистнул Кит, все еще отвергающий такое небрежное отношение к ситуации. – И что они с этого будут иметь?

Он думал, что вопрос заставит девушку задуматься об истинных мотивах этих самых организаторов, насторожит ее, но она только покачала головой.

– Тут хорошо. Так, как никогда не будет за пределами этого места. Можно говорить обо всем, и тебя не посчитают странным. Тут все странные. И еще тут можно поделиться тем, чем ни с кем не делился. Если тебе это надо – оставайся. Тут тебя поймут как нигде.

Кит скептически усмехнулся, вспомнив Пакость, и Книжный Червь качнула головой.

– Да, и он тоже. Оставайся, и увидишь. Вещи-то у тебя с собой.

И только сейчас Кит понял всю странность своего поступка. Он ведь даже не рассматривал вариант просто скататься туда и обратно, а подготовился к длительному пребыванию вне дома. Знакомый призрак коснулся его ледяной ладонью, и Кит нервно встряхнулся, отгоняя неуместное сейчас видение. Такое выпадение из реальности на людях он считал худшим проявлением своего... проклятия.

– Как тебя зовут? – спросил он, уже приняв решение, и раздраженно заметил, как девушка понимающе улыбнулась.

– Немо.

– Как?

Впору было сообразить, что они тут обходятся без имен, но Кит слишком расслабился и ожидал услышать что-то обычное.

– Немо, – повторила она. – Тут меня зовут Немо.

– Как капитана, что ли? – Нервный смешок вырвался сам.

Она ответила таким же нервно-насмешливым тоном:

– Вроде того. Меня тоже нет. Я никто.

– Что значит «никто»? – Кит подавил желание отстраниться. А она-то показалась ему наиболее адекватной...

– Потому что я просто зеркало. Я только копирую, отражаю... – Девушка нервно выдохнула и сжала кулаки. Лицо ее на миг болезненно искривилось. – Я потом как-нибудь тебе поясню. Ты... мне тебя как звать?

– Кит, – буркнул он, используя привычное сокращение. Вполне сойдет за прозвище при желании. Как раз для этого загородного дурдома для избранных. Больше разговор продолжать не хотелось. Ситуация требовала найти тихое место без лезущей в нос пыли и табачного дыма и разобраться со своими мыслями и желаниями.

«Уйти? Или нет?»

Он двинулся прочь, не попрощавшись. Может, это было грубо, может, даже сущим свинством, но Кита больше занимал царящий в голове кавардак. Ему хотелось бежать отсюда сломя голову, в понятный, привычный мир и... остаться и

успокоить ту часть себя, которую привычный мир отвергал.

Уже закрывая за собой дверь, он случайно бросил взгляд на Немо и похолодел. На ней были припорошенные пылью стоптанные сандалии с заклепками.

Глава 4

Лис

«Мама Лиса – солнце»

Погода стремительно переменилась. Солнце, плавившее асфальт, как воск, спряталось в неведомо откуда взявшейся перине облаков, и летний яркий пейзаж сменился угрюмой серостью. В таком свете блеклые остатки забытого детского лагеря смотрелись выпотрошенной плюшевой игрушкой, когда-то приносившей радость, а сейчас откровенно пугающей из-за отсутствующего глаза и грязного, раскисшего тела.

Одна изуродованная шрамами ям аллеика вела обратно в реальность, в цивилизованный мир, другая убегала дальше, в сердце этого потрепанного, скрипящего царства мертвых мух и разваленных гипсовых статуй. Кит стоял, как витязь на распутье, неожиданно для себя и правда не зная, куда ему идти. Поступить разумно или продолжать руководствоваться любопытством и еще непонятно чем? И он выбрал третий вариант, поддавшись не так давно возникшему искушению и давая себе время подумать.

Эта площадка была идеальной для отдыха. Сосны защищали ее от солнца, заросли барбариса, через которые он ед-

ва продрался, исцарапав руки в кровь, от ветра. Земля здесь была вытоптанная настолько, что даже после стольких лет запустения не заросла травой. А вон и ямка... Та самая. Кит спешно отвернулся и переключился на основную цель своего визита.

Облупившиеся, вытертые деревянные планки некогда зеленых качелей были прохладными и пахли солнцем и сосновой смолой. Сбросив рюкзак куда-то в пыль и иглы, Кит улегся на сиденье, забросив ноги на металлическую трубу-подлокотник, и увидел над собой зеленые трепещущие кроны в сером пятнистом небе. Мерное их покачивание на утихающем ветру успокоило его почти сразу. Хоть что-то хорошее...

«Уеду. Уеду к чертям и забуду это сборище ненормальных, как страшный сон».

Качели скрипнули, и он качнулся им в такт. Зеленые кроны заколыхались влево-вправо, то нависая над ним, то отползая в сторону.

«Ничего... Хоть чистым воздухом подышал».

Ветер взъерошил пушистые сосновые ветви, и дождь сухих игл посыпался на него, но ни одна не попала. Кит довольно ухмыльнулся небу.

«А сны... А что сны? Сколько лет жил, и ничего... Терпел как-то. И дальше вытерплю. Может, само пройдет».

Тихо скрипели качели, шелестели ветви. Запах смолы, серое, прозрачно светящееся небо, темные рваные тучи...

– Что-то мама сегодня совсем устала, – сообщил прямо

ему на ухо звонкий чистый голос. – Так рано спряталась. Может, она заболела?

Кит подлетел как ужаленный и встретился лбом с металлическим подлокотником. Уцепившись за спинку, он сел, потирая растущую шишку, и огляделся. Площадка была все так же пуста. Иглы, пыль, корни сосен, рыжевато-коричневые скрипучие стволы.

– Нет, наверное, мама просто решила отдохнуть, – сообщил задумчиво тот же голос откуда-то из-за спины Кита.

Кит обернулся.

Говоривший был рыжий. Рыжий по-настоящему, из тех, кого почему-то называют огненными, хотя у таких вот почти красных ярких прядей больше общего с медью, чем с языками настоящего пламени. Отросшие вихры торчали во все стороны. Белую кожу, частый спутник рыжих волос, покрывали темные точки веснушек. Они были везде. На лбу, на щеках, на тонком, остром носу, на худых руках и при этом не сливались в невыразительные пятна, а выглядели так, будто кто-то старательно рассыпал их, как звезды по небу. Светло-карие, почти желтые глаза, обрамленные рыжими ресницами, смотрели по-детски открыто, что заставило Кита прищуриться. Похоже, ему встретился местный дурачок.

То, что незнакомец сидел прямо на земле, подобрав под себя запыленные босые ноги, только подкрепляло впечатление.

– Лис рад видеть нового друга! – Паренек теперь обра-

щался непосредственно к нему.

– Чего? – Кит спустил ноги с качелей. – Какой Лис?

– Лис – это Лис. – Приветливо улыбаясь, странный мальчишка ударил себя в грудь ладонью. – Лис рад получить нового друга!

На вид ему было лет четырнадцать, а вот вел он себя года на четыре. Кит мысленно передал ему статус главного психа в этом дурдоме.

– Я не твой друг, – раздраженно отрезал он. – Я уже ухожу!

– Куда? – удивленно моргнул Лис. – Ты же пришел? Зачем уходить? Не темней, не надо темнеть! Оставайся здесь и становись другом Лиса. Лис хороший, и все хорошие! Лис немного странный, но хороший!

Опешивший от напора Кит даже пропустил мимо ушей это странное «не темней». Но агрессия вдруг ушла без следа, и он сказал себе, что перед ним просто ребенок в теле подростка. Последнее дело – срываться на отстающего в развитии, тем более что тот ничего ему не сделал. Отвязаться побыстрому, да и все.

– Ну, а что тут ловить? – спросил Кит. – Чем мне это поможет?

– В чем поможет?

Он только отмахнулся. Нашел, называется, с кем делиться проблемами.

– Ты сам здесь что делаешь?

– Лис? Лис тут живет! – Рыжий раскинул тощие руки,

словно желая обнять весь лагерь, и затараторил: – Лиса пригласили сюда, и Лис согласился. Лису тут хорошо, он может гулять где хочет, и у него новые друзья!

Кит вздохнул. И откуда же его притащили? Из специализированного интерната, от спившихся родителей или просто подобрали на улице? Судя по потрепанной цыплячье-желтой футболке и старым коричневым штанам с накладными карманами, мог быть любой из трех вариантов.

– Ты светлей, светлей. – Лис склонил голову к плечу и пересел на качели рядом с Китом. Когда он поднимался, в кармане его что-то загремело. – И оставайся тут! Тут хорошо. – Теплая кисть сплошь в веснушках опустилась на плечо Кита, от чего тот вздрогнул. – Ты где будешь жить? Будешь рядом с Лисом? Лис живет в пятой комнате справа! Приходи к Лису в гости. Лис тебе все покажет здесь, он уже все-все обошел и увидел...

– Да погоди ты! – попытался отбиться Кит. – Я еще не решил!

– Так решай!

В этом напоре добродушия было столько искреннего тепла, что у Кита даже не получилось разозлиться. Надоедливый болтливый малыш, не более того. Хотя за этой простотой крылось что-то тяжелое. Боль, одиночество, лишения... Кит то ли просто догадывался, то ли какой-то чертов сон снова слабо напоминал о себе. Лис сидел рядом с ним – беспризорный, тощий, ослепительно-рыжий и солнечный до комка

в горле. Рядом с ним лелеять свои обиды и проблемы, когда у тебя есть семья, дом, да и вообще жизнь вполне может устроиться, было как-то уж совсем неправильно. Кит уйдет, может вернуться домой, а у Лиса и выбора-то, получается, нет.

– У тебя родные есть? – Он спросил это небрежно, просто так, чтобы подтвердить свои догадки.

– У Лиса есть мама!

– Мама? – Да, Кит что-то такое слышал в самом начале.

Веснушчатый палец устремился в небо.

– Вон там мама Лиса! – Желтые глаза с нежностью посмотрели на покрывающие небо тучи. – Вон, видишь?

Кит медленно покачал головой, думая, как бы мягче уточнить, умерла ли та, о ком они говорят.

– Ты не понимаешь, – грустно сказал Лис, при этом продолжая улыбаться. – Мама Лиса – солнце. Когда Лис был совсем маленьким, он упал с неба на землю и теперь не может вернуться домой. Поэтому приходится маме следить за Лисом с небес. Лис всегда показывает маме, чтобы она не волновалась, а мама греет его, когда ему холодно.

Кит сцепил зубы, слушая этот торопливый рассказ-откровение. Значит, сирота или просто брошенный... Который не озлобился, а сочинил себе эту добрую сказку про любящую маму-солнце.

Так и есть. Он может вернуться и забыть весь этот балаган, а странный Лис останется здесь в компании сумасшед-

шей девицы и придурка с сигаретами, который, если захочет, сможет вволю над ним поиздеваться, чтобы скрасить скуку. И никто не защитит.

«Черт...»

У Кита было ощущение, словно он покормил на улице замерзшего щенка и тот теперь бежит за ним по пятам – тощий, обессиленный – через лужи и грязь.

Конечно, можно уйти, не оглядываясь, но... Можно и остаться. Хотя бы на пару дней.

– Давай, Лис. – Киту непросто далось это решение, но он поднялся и повесил на спину рюкзак. – Показывай, где комната, из которой удобно ходить к Лису в гости.

– Правда-правда остаешься?! – радостно вскинулся рыжий, и Кит только и смог ответить:

– Правда-правда.

Глава 5

Лишний

«Мы странные и знаем это»

– Лис живет справа, и справа больше никто не живет. Никто не хочет, чтобы его будила мама. Хочешь жить справа?

– Хочу.

Киту было плевать на утренние бьющие в глаза лучи, от которых могло легко спасти одеяло, а вот поселиться подальше от местных ненормальных он был не прочь. Он думал даже занять крыло второго этажа, но Лис заверил его, что вход туда намертво закрыт.

Рыжий повел его обратно, все время оборачиваясь, словно Кит мог заблудиться среди пары заросших клумб и двух аллеек. Грязные босые ноги Лиса смело ступали и по бурной поросли сорняков, и по сухой подушке из игл и сухих лепестков, и по торчащим из остатков асфальта камням, которые Кит чувствовал даже сквозь подошвы кроссовок.

– О! – Они как раз поднимались к корпусу, как Лис неожиданно замер.

Поняв, куда он смотрит, новичок раздраженно поморщился и едва не повернул обратно. План проникнуть неза-

метно внутрь, занять себе место, а потом сделать вид, словно и не собирался никуда уходить, провалился. Из темной глотки здания как раз вынырнули уже знакомые ему Пакость и Немо и двинулись им навстречу по островкам уцелевших плит, минуя полные песка и мусора ямы.

– Какие люди... А я думал, ты уже ушел. – Пакость оскалил желтые зубы. В руке он мял незажженную сигарету, но никак не мог решиться ее истратить.

Не давая Киту огрызнуться, так и не отряхнувшая пыль и паутину Немо торопливо вмешалась:

– Правильно, что остался. Мы идем греть обед. Пошли с нами. Как раз все покажем.

– Пойдем! – тут же сверкнул в его сторону желтыми глазами Лис.

Деваться Киту было некуда.

Трое ненормальных даже шли странно. Это он подметил по дороге в столовую – одноэтажное вытянутое здание с большими окнами, в основном забитыми разномастными листами фанеры. Никаких размолвок не наблюдалось, но все четверо двигались не как положено одной компании, а словно случайные попутчики. Немо – первая, со скрещенными на груди руками и низко опущенной головой, как будто искала что-то на земле, Пакость – за ней, не спеша, вразвалочку, держа дистанцию в несколько шагов. И замыкающий Лис, который то и дело отставал, отвлекался на что-то в кустах или на небе, махал Киту и снова забывал о нем.

По раскрошенным ступенькам они вошли в темный, грязный зал столовой, где под ногами хрустели попавшие через щели прошлогодние (а то и позапрошлогодние) листья. Сдвинутые в дальний угол столы и стулья на фоне уцелевшего окна следили за ними многогогим невиданным чудищем, хищно нацелившимся на вошедших множество кривых металлических облупленных ножек. Запустение и грязь отделяла от пустой, но чистой кухни скрипучая неприметная дверь. Ведомый троицей новых знакомых Кит пересек пару совершенно одинаковых помещений, выложенных серой и розовой плиткой, и оказался в небольшой угловой комнатушке со старой газовой плитой, длинным столом, буфетом и холодильником. Стульев было всего четыре.

– Спящая будет? – спросила Немо.

– Собиралась. – Пакость опустился на подоконник, но так и не закурил, а вернул сигарету в мятую пачку.

Лис проскользнул мимо Кита и плюхнулся на стул в пятне солнечного света.

– Если не придет, я ей обед оттащу.

Из недр полупустого холодильника показалась большая белая эмалированная кастрюля, которую девушка взгромоздила на плиту.

– Суп, – сообщила она Киту. – Не очень вышел, но я старалась.

– Водичка с картошкой и макаронами, – ухмыльнулся Пакость.

– Договоришься – он у тебя в тарелке сам скиснет, – точно копируя его тон, проговорила Немо и, встряхнувшись, уже больше в своей манере спокойно пожала плечами. – Как умею.

– А Лису нравится.

Рыжий просто жмурился на солнце и вроде бы не слушал их разговор, но внезапно повернулся и протянул Немо веснушчатую руку. Она ответила ему теплой улыбкой, но, вместо того чтобы коснуться руки, поспешно отстранилась.

– Спасибо, Лисенок. Доставай тарелки.

Эта идеалистическая картина «Мама, папа, я – счастливая семья» вызвала у Кита приступ дурноты. Трое незнакомых между собой ненормальных засели в заброшенном лагере и убеждены, что тут им будет лучше. И ладно бы Лис, но эти...

– Нет, ну вы полные психи... – пробормотал он. – Вам мозги промыли? Чего вы тут торчите? Чего вы ждете? Или вы что-то знаете, чего я не знаю?

Его слова в один миг разрушили так раздражающую его картину. Все трое посмотрели на него. Лис, расставляющий на столе разномастные тарелки, испуганно и удивленно, Немо, как раз разогревающая суп, устало, Пакошь насмешливо.

– Я же тебе все объяснила. – Звук стукнувшегося о стенку кастрюли алюминиевого половника был громче голоса Книжного Червя. – Все просто. Я думала, ты уже принял решение остаться с нами.

– Да пусть катится! Без него жили – и дальше проживем.

Я вообще думал, что он свалил уже!

– Пакость, не прогоняй его! Это новый друг Лиса!

Пакость раздраженно фыркнул и, притянув одной рукой Лиса к себе, потрепал его по рыжим волосам.

– Да на кой он тебе сдался, а, Лисеныш? Пусть идет, откуда взялся, и не парит нам мозги. Тебе с нами разве плохо?

Рыжий яростно замотал головой, но посмотрел на Кита совершенно несчастно.

– Ты уйдешь? Ты же обещал быть другом Лиса... Ты же...

– Да не уйду я никуда!

Немо вздрогнула и попятилась от Кита, забыв про греющийся суп. Пакость уже не ухмылялся. Он обнимал Лиса за плечи и сверлил новичка откровенно враждебным взглядом. И Кит бы ушел. Если бы не обида и грусть в желтых глазницах Лиса.

Привязал. Теперь не уйти.

Кит медленно выдохнул, загоняя все раздражение в самый-самый дальний закоулок. Стиснул пару раз кулаки и негромко пояснил подрагивающим от напряжения голосом. Даже холодильник, урчащий в углу жутковатой пародией на кота, вроде бы зазвучал тише, чтобы не глушить его слова.

– Не собираюсь я уходить, Лис. Я остаюсь, остаюсь. Просто не пойму, чего вы так все в это место вцепились?

Рыжий удивленно моргнул. Где-то совсем недалеко ветер с раздражением захлопнул тяжелую дверь.

– И не поймешь, – неожиданно спокойно ответил Пакость, глядя куда-то в лоб Киту. – Потому что не хочешь признавать, что ты такой же, как и мы. Мы тут все с приветом, все странные, и знаем это, а ты считаешь себя нормальным. Так что... Не судьба, видать.

За спиной Кита под чьей-то ногой противно звякнула выбитая плитка, и в нос ударил чуть горьковатый запах желтых спелых яблок. Даже нет, скорее, яблочных семечек.

– Мы тебя ждали, – улыбнулась Немо, выключая газ под кастрюлей.

Глава 6

Спящая

«Будь осторожен»

Шаль была цвета малинового варенья. Наверное, из-за этого цвета от нее веяло морозными зимними вечерами, узорами на окнах и горячим чаем. Сейчас шаль укутывала округлые плечи, обтянутые тонкой тканью простого пестрого платья, и ее концы сплетались в узел как раз под... грудью. Кит поспешно поднял глаза на вошедшую, превосходившую его в росте, и рассеянно кивнул в знак приветствия.

Серые лучистые глаза – осеннее море в пасмурный день – смотрели на него с непониманием и удивлением. Но только первую секунду. Затем их снова наполнило умиротворение пополам со старой печалью. Не нужно было быть Немо, чтобы все это заметить и почувствовать.

– Добрый день, – негромко поприветствовала всех Спящая, смотря исключительно на Кита. – Всем, кого не видела.

Вымышленное имя подходило ей идеально. В отличие от Немо, ее можно было бы назвать по-настоящему красивой, если бы не откровенно нездоровый вид. Бледная, словно еще не окрепла после долгой болезни, с запавшими щеками и за-

легшими под глазами тенями, даже длинные русые волосы, рассыпавшиеся по спине, выглядели тускло. А еще она казалась старше остальных.

Знакомства, к которому Кит уже мысленно приготовился, не последовало. Спящая, следуя неписаным законам этого странного места, обошла его, не задавая никаких вопросов, и принялась раскладывать на столе ложки.

– Как ты? – негромко спросил Пакость, и Кит даже не сразу узнал его голос. Тихий, с участливыми нотками, совершенно бесцветный без обычного яда.

– Хорошо. Заспала немного. – Она подарила ему такую же сдержанную улыбку, обернувшись через плечо, и переключила внимание на Лиса, которому Немо вручила первую полную горячего супа тарелку.

Узкий прямоугольный столик был придвинут вплотную к стене. Рядом расположились четыре старых жестких стула. Четыре. Для пятерых. Кит, отстраненно наблюдавший за подготовкой к обеду, прикинул, где кто сидит. Ближайший к нему – и в то же время отдаленный от остальных, – наверное, занимала Немо; два с длинной стороны стола – Лис и Спящая, ну а поближе к ней конечно же выбрал место Пакость. А ему, Киту? Тащиться в грязный зал столовой, искать себе стул почище, а потом волочь сюда?

Не желая давать Пакости повод позубоскалить, Кит обошел уже плюхнувшегося на свое место Лиса и принесшую соль Спящую и ногой придвинул к себе последний стул. Не

ожидавший от новичка такой наглости, Пакость даже выронил сигаретную пачку.

– Э! – Он соскользнул с подоконника и ухватился за узкую перекладину спинки. – Куда руки тянешь?

Кит одарил его нарочито равнодушным взглядом, понимая, что легко спровоцировал местного зарвавшегося агрессора на разборку уровня детского сада. Пусть поорет, а то слишком зарвался в компании двух девчонок и одного считай ребенка. Однако Пакость неожиданно ухмыльнулся и, противно скрипнув ножками стула по полу, придвинул его Спящей.

– Прошу.

Девушка недоуменно посмотрела на парня, потом на предложенный стул и на свое прежнее место.

– Это зачем?

– Тут место получше, на солнышке погреешься. – Пакость отпихнул Кита и стряхнул невидимые пылинки с сиденья. – А я на подоконнике устроюсь. Мне и так хорошо.

Спящая с явным сомнением посмотрела на вновь затянувшееся тучами небо, покачала головой, но приглашение приняла. Киту ничего не оставалось, как, покосившись на новоявленного рыцаря, сесть на старое место Спящей, между ней и довольным таким соседством Лисом.

– Приятного аппетита, – отозвалась Немо, все это время отстраненно возившая ложкой в своей тарелке.

Ей ответили недружно и вяло.

– Если остынет – есть будет невозможно, – предупредила она, подвигая Лису тарелку с хлебом.

– Неправда, – отозвался рыжий, оторвавшись от тарелки. – Вкусно.

– Вкуснее бывает, Лисенок. Бери хлеб. Так сытнее. Отъедайся.

«Еще одна нянька. Может, одной с него хватит?» – Кит посмотрел на уплетающего суп младшего и одернул себя – остался, значит, остался. Нечего теперь. Он повесил рюкзак на спинку стула и взялся за ложку.

Варево Немо было точно таким, как описал его Пакость, – водичка с сыворотой, кое-как порубленной картошкой и разваренными «ракушками». Совершенно безвкусная мутноватая бурда со слабыми пятнышками жира и чешуйками пережаренного лука. Он высыпал в тарелку, наверное, ложки две соли, прежде чем суп обрел хоть намек на вкус.

Ели в полном молчании, практически не поднимая голов от тарелок. Запах яблочных семечек, такой сильный из-за близости Спящей, расползлся по комнате, пропитывая волосы, одежду, ломти хлеба и горячее варево. Кит чувствовал теплое колено девушки под столом и пару раз столкнулся с ней руками, задев браслет из деревянных бусинок на запястье. И каждый раз при этом ему в затылок словно вбивали гвозди – хмурый и костлявый Пакость с тарелкой на коленях нависал над ними грифом-трупоедом. Не будь он Пакостью, наверное, так бы и прозвали.

Кит упивался его раздражением и тем, что подкосил самоуверенность парня. Тревожные взгляды Лиса в их сторону и нервное ерзанье на стуле Немо, правда, немного портили удовольствие. Что ж у Лиса за умение-то?

– Ты только что приехал? – тихо спросила Спящая.

В затылок вонзилась пара раскаленных гвоздей. Кит поднял голову и увидел, что девушка смотрит на него.

– И едва не уехал, – проворчал он. – Я все иначе представлял.

В ответ она просто развела руками:

– Меня здесь называют Спящей. А тебя?

– А его Дик, – вклинилась неожиданно Немо, странно встревоженная и напряженная. Взгляд ее метался от Пакости к Киту, от Кита к Спящей.

– С утра был Кит, – растерявшись, поправил новичок, не понимая, когда его успели переименовать.

– Кит, значит, – отозвался с подоконника Пакость. – Белый? Или, может, голубой?

Кит проигнорировал.

Немо непонимающе моргнула, нахмурилась и со стоном закрыла лицо ладонями, лохматя густую челку.

– Прости, прости... У меня проассоциировалось странно. Белый кит – Моби Дик. Ну знаешь, как у Мелвилла? Я его со скуки читала вчера...

– Тебе бы новое место для отдыха найти, – сочувственно посмотрев на нее, произнесла Спящая и снова повернулась

к Киту. – Так все же Кит?

– Кит. Хотя мне все равно. – Его совершенно не волновало, как его будут звать в месте, где ты можешь придумать себе любое имя. – А почему Спящая? – задал он глупый вопрос, просто чтобы продлить разговор.

От взгляда Пакости вот-вот должна была начать дымиться его футболка.

– Полностью – Спящая Красавица. – Девушка наморщила нос, показывая, как неловко ей это произносить. – Он меня с порога так окрестил. Почему-то.

Рука с браслетом указала на хмурого Пакость, который тут же расслабился и заухмылялся.

– А где я не прав?

– Сплю я и правда много. И в кровати валяюсь целыми днями, – грустно улыбнулась девушка.

– Ну так не по своей же воле! – пожал плечами Пакость, и снова в его голосе прозвучала непривычная для него забота.

– Факт остается фактом, – качнула головой его собеседница, тоном давая понять, что не хочет продолжать этот разговор.

Кит, ловивший каждое слово, напрягся. Что это могло значить? Спящая просто чем-то больна? Так чего тогда торчит в этой глуши?

Слева взвизгнули по плитам ножки стула: Немо поднялась, торопливо собирая со стола грязную посуду. Краем глаза Кит отметил, что ее руки, скидывавшие ложки в тарелку,

заметно дрожат.

– Пакость, пошли посуду мыть. – Будничный тон никак не вязался с внешней нервозностью.

– А чего я? – неохотно поднял на нее глаза парень.

– Ты у нас самый сильный, а кастрюля тяжелая. Пошли, пошли. И ты вчера обещал. Помнишь?

Напряжение, царившее в кухне, немного рассеялось. Пакость, неодобрительно ворча что-то, соскользнул с подоконника и сгрузил свою тарелку в общую кучу. По дороге он якобы случайно задел стул Кита ногой, от чего тот тряхнуло. Если бы не напряженный взгляд Немо, Кит бы уже наверняка намазывал задиру на холодный плиточный пол.

– Я тоже пойду, – отозвалась Спящая, непонятно к кому обращаясь, и стряхнула в тарелку крошки со стола. – У себя буду. Как обычно.

Она поднялась, неспешно расправляя платье и шаль. Все разбегались так, словно у каждого были какие-то важные дела. Снова ощутивший себя человеком-невидимкой Кит встал, желая уже наконец-то определиться с местом ночевки, но теплая худая рука схватила его за колено под столом и удержала. В желтых глазах Лиса плескалось то же самое напряжение, что и во взгляде Немо.

Нагруженный грязной кастрюлей с тарелками Пакость и следовавшая за ним Книжный Червь вышли первыми. Их голоса глухо зазвучали в холодных пустых стенах здания столовой, постепенно отдаляясь.

Спящая, возившаяся с совершенно целой застежкой бо-соножки, тут же выпрямилась и торопливо закрыла за ними дверь.

– Было, Лис? Было? – напряженно спросила она. – Я так и не научилась это замечать, но у Немо такое лицо сделалось...

Девушка быстро подошла к Киту и склонилась к нему, внимательно изучая его лицо. Иллюзии по поводу ее адекватности таяли, как мороженое в знойный полдень. От усилившегося запаха яблочных семечек у него закружилась голова. Ее лицо было настолько близко, что он мог различить каждую ресничку и бледные веснушки на носу и щеках.

– Ты чего? – растерялся он. – Что было?

Рядом засопел Лис, неожиданно серьезный и не улыбочивый. Прищурившись, он придвинулся к Киту, разглядывая его не менее придирчиво, и тяжело вздохнул.

– Есть немножко.

– Большие? – уточнила Спящая таким тоном, словно Лис увидел у Кита следы неизлечимой болезни.

– Маленькие. Вот такие. – Лис сложил пальцы в колечко размером с десятикопеечную монетку. – Целых три.

– Считай, повезло. – Девушка опустила на свой стул, вытянув длинные ноги.

Лис так и остался стоять, сочувственно поглядывая на Кита.

– А теперь, может, объясните, что это было? – раздраженно поинтересовался Кит, у которого сегодня была явная пе-

редозировка чужих странностей. – Ну? Я жду!

– На тебе темные пятнышки, – терпеливо «объяснил» рыжий, тыкнув веснушчатым пальцем куда-то в лоб парню. – Как плесень на хлебе. Это Пакость нечаянно натворил.

– Плесень? – убито повторил Кит.

– Да. Три темных кружочка.

– Он тебя сглазил, – сжалилась над нервной системой новоприбывшего Спящая. – Не сильно, не волнуйся. Ты, наверное, еще не все знаешь. Это и есть способность Пакости. Когда он злится, он может нечаянно сделать что-то подобное. Насколько я знаю, последствия бывают и более серьезные.

Тяжелый вздох вырвался у Кита невольно. Повезло, ничего не скажешь. У самого мерзкого типа из всей компании оказалась сила, которую тот реально может использовать против него. А чем он ему ответит? Пересказом того, что может случиться завтра? И то если вспомнит...

– И что теперь? – мрачно спросил он.

– Будь осторожен, – улыбнулась ободряюще Спящая. – Под ноги смотри и не рискуй, пока не рассосется. А Лис проследит и скажет, когда можно будет расслабиться.

– Лис будет тебя охранять! – радостно встрепенулся рыжий.

Кит смог только выдавить в ответ кислую улыбку.

Глава 7

Тьма и свет

«Пусть он тебя охраняет»

Дождь припустил неожиданно. Небо, хмурившееся еще с полудня, разрыдалось, обрушив на старую шиферную крышу корпуса миллионы холодных капель. Лишенная ритма хаотичная дробь пробилась сквозь рокот ударных и гитарные соло, звучавшие в голове Кита, вырвав его из неглубокой дремы.

Незнакомая пустая комната, отвратительно казенная и скучная, тонула в сгущающихся сумерках. Она не понравилась ему как-то с самого начала. Четыре старые кровати со скрученными улитками матрасов и треугольниками подушек сверху стояли вдоль стен, по две с каждой стороны, между ними – четыре одинаковые тумбочки с остатками наклеек и встроенный в стену шкаф у двери, напротив него – большое окно с синими шторами.

Матрас был почти не пыльный, то же самое касалось и подушки. Развернув тяжелый полосатый рулет, Кит обнаружил внутри шерстяное одеяло и комплект постельного белья – первое виденное им свидетельство того, что кто-то и правда

готовил лагерь к их приезду. И не сказать, что это его порадовало. Старые страхи снова напомнили о себе.

Волновало и другое. В единственном приспособленном для жизни корпусе было открыто только одно это левое крыло на втором этаже с двенадцатью стандартными комнатами. Лагерь мог принять сорок восемь человек. Совершенно ненормальных сорок восемь человек.

Разбор вещей занял всего пару минут: Кит брал с собой только самое необходимое. Откопав зарядное от мобильного и наушники, он плюхнулся на кровать справа у окна и... выпал из жизни. Разбудил его этот самый дождь.

Кит не стал подниматься сразу. Лежал, крутя в пальцах наушники, и слушал, как шумит вода за тусклыми стеклами. В самом корпусе было подозрительно тихо.

Кит поднялся, нашарил на полу кроссовки и выглянул в темный коридор. Белые двери комнат были плотно закрыты, и ни под одной из них не желтела полоска света. Лагерь поглотил нарушителей царившей в нем много лет тишины, как озерная гладь – камень: короткая рябь, и словно и не было никогда.

«Если это какая-то идиотская шутка...»

Напряженно прислушиваясь, он прошелся по коридору туда и обратно. Не то чтобы он хотел видеть соседей, но знать, что они где-то рядом, за стенкой, было бы намного проще, чем остаться вот так один на один с дождем и зловещей тишиной.

Кит вернулся к себе, раздраженно щелкнул выключателем... и невольно пригнулся. Хлопок, раздавшийся под толчком, был такой, что стекла задрожали. Коротко полыхнувшая голубая молния разметала по полу то, что еще мгновение назад было лампочкой.

Киту внезапно как наяву увиделась ухмылка Пакости. Не об этом ли его предупреждали? Хотя... С чего ему верить бредням чудаковатого Лиса и заверениям похожей на призрака девчонки по поводу сглаза? Может, у них это развод для новичков...

Тихо ругаясь себе под нос, Кит проверил на устойчивость ближайшую кровать (хорошо, что дно под матрасом было твердое, а не из сетки), взобрался на нее с ногами и потянулся к патрону, мельком подумав, что надо бы сначала вырубить электрику... Новая вспышка ослепила и оглушила. Глухой удар, и Кит додумывал эту мысль уже лежа на спине и пялясь в потолок. Правая кисть онемела от укуса тока, и он нервно растер ее, прислушиваясь к себе – ничего ли не сломал. Сердце стучало где-то в трахее.

Наверное, его полет наделал много шума, потому что пугавший гробовой тишиной корпус неожиданно ожил и наполнился звуками. За дверью слышались торопливые шаги, и через секунду она, коротко пискнув, приоткрылась.

– Лис думал, ты еще спишь, – почему-то шепотом поделился рыжий, просунув голову в щель. Точь-в-точь его звериный тезка.

– Уже нет, – хрипло отозвался Кит, потирая ушибленную спину и бросая сердитый взгляд на патрон. – А ты видел, что я спал?

– Лис заходил к тебе, но не захотел будить.

Паренек вошел в комнату, хлопая великоватыми для него кроссовками, и присел на корточки рядом с Китом, с любопытством поглядывая на потолок: видимо, не понял, что его новый друг только что спикировал с кровати. После «мама-солнце» Кит был готов услышать от него что угодно. Когда рыжий приблизился, Кит четко ощутил запах холодного дождя, того самого, который шумел за окном, и, непонятно с чего, свежайшей, еще горячей золотистой жареной картошки, приготовленной на подсолнечном масле с подрумяненным луком. Желудок откликнулся на эту галлюцинацию жалобным стоном.

– А где все? – спросил Кит, чтобы как-то начать разговор. – Ушли?

– Куда? Нет. Они просто ужинают в столовой. – Рыжий снова с интересом посмотрел на потолок. – Пакость насыпал Лису полную тарелку и дал большой кусок хлеба с маслом. Лис поел быстрее всех и прибежал сюда. И тебе принес.

Он вытянул что-то из-под футболки, и Кит запоздало понял, что паренек с самого начала как-то странно держал руки перед животом. Оказалось, Лис принес глубокую тарелку, полную жареной картошки, увенчанную вилкой с кривыми зубцами.

Кит принял угощение, чувствуя неловкость за то, что этот мальчишка начал проявлять о нем заботу. Должно было быть наоборот.

Тем временем Лис снова посмотрел на потолок и непонимающе покачал головой.

Его странные взгляды, ищущие на потолке в сгущающейся темноте что-то такое, чего там точно не было, начинали Кита нервировать. Он вспомнил розыгрыш, когда сговорившаяся компания испуганно пялилась куда-то над головой какого-нибудь бедолаги, будто увидев что-то ужасное, и жертва, даже не веря в это поначалу, потом уже сама боялась обернуться.

– Лис прятал тарелку от дождя, но эти капли такие хитрые. Ты не сердись на Лиса, если некоторые проникли в твою картошку, – робко проговорил из темноты Лис.

Кит заставил себя улыбнуться, чтобы его не пугать.

– Ну и пусть. Спасибо, что позаботился. – Он отставил тарелку на край тумбочки и коснулся плеча рыжего. Так и есть. Желтая ткань была холодной и влажной.

– Лис попал под дождь? Лису нужно вытереть голову и переодеться, чтобы не заболеть. – Эта дурацкая манера изъясняться была прилипчивей тупых рекламных песенок. Не заметишь, как начнешь о себе говорить в третьем лице.

– А пойдешь вместе с Лисом? – Желтые глазищи восторженно сверкнули.

У Кита не было способностей Немо, но он посочувствовал

ей. Детская неподдельная наивная радость Лиса била фонтаном, окатывая всех, кто находился рядом. Как же приходится ей, если она во всех «растворяется»?

– Лис покажет тебе, где живет!

– Веди.

Рыжий вылетел из комнаты желтой кометой, мотая мокрой головой, но у порога неожиданно притормозил и посмотрел на Кита торжественно-серьезно.

– Кит, – желтые глаза снова метнулись к потолку, а голос упал до шепота, – скажи Лису честно, что ты там видел?

– А? Я? – Кит нервно поежился от этого тона и тоже покосился на облупленный потолок. Замазанные провода, неработающая противопожарная сигнализация, пятна отвалившейся штукатурки – ничего примечательного.

– У меня лампочка просто взорвалась. Думал, где бы найти другую.

– А... – Тон Лиса был почти разочарованным. – Лис думал, на тебя тоже оттуда кто-то смотрит... Лампочки во всех комнатах есть! Бери где хочешь. Лис тебе покажет.

– Кто-то смотрит? – напряженно повторил Кит, стараясь, чтобы его голос звучал равнодушно. Про лампочки он уже не слышал.

– Ага, – скучаяще кивнул рыжий. – Бывает. Идешь к Лису в гости или как?

Комната Лиса оказалась через одну. Пройдя несколько десятков шагов по темному коридору, Кит попал в царство

уютного желтого света.

– Вот тут живет Лис, – гордо возвестил паренек, пока Кит промаргивался и озирался по сторонам.

Их комнаты были сестрами-близняшками, которые с возрастом заимели некоторые внешние отличия, хоть и остались невероятно похожи. Но при всем внешнем сходстве характеры у них были совершенно разные. Если его собственная комната представлялась Киту холодной, недружелюбной и даже после последних событий враждебной, то эта казалась уютной и вполне подходящей для жизни. И пахло тут как-то... солнечно.

А так та же мебель, те же синие с белым стены, такие же пустующие тумбочки. Обустроенное спальное место, правда, отличалось оригинальностью. Лис, а может, и не Лис сдвинул вместе две кровати и соорудил там настоящее гнездо из всех подушек и пары одеял. Кит мысленно нарек эту «берлогу» Лисьей норой. А в целом все так же...

– Хорошо тут у тебя, – честно признался Кит, глядя, как Лис вытирает волосы полотенцем. – Уютно. И правильно ты сделал, что обулся. – Он взглядом указал на посеревшие от старости Лисьи кроссовки. Ни о каких носках речи не шло. – Похолодало вроде...

– Это Пакость и Немо принесли Лису кроссовки, – смущенно шаркнул пяткой по полу рыжий, пряча руки за спину. – Лис их часто где-то забывает, и они обижаются и убегают... Пакость сказал, что в следующий раз он намажет Лису

ноги суперклеем, и Лис не сможет их больше снимать...

– Я ему потом намажу, – нахмурился Кит, на что его странный собеседник смущенно махнул рукой, явно уже жалея, что рассказал.

– Пакость – хороший. Он просто много такого говорит, чтобы не темнеть сильно и не делать никому плохо... – Лис склонил голову набок и посмотрел на Кита совершенно по-кошачьи. Или по-лисьи. – А у тебя пятнышек стало меньше.

– Неудивительно. – Его спина страшно ныла после встречи с полом.

Кит еще раз оглядел комнату Лиса, сделавшего из зеленого полотенца кривоватую чалму, и поежился. Странное дело. Отвлекаясь полдня на причуды других, он и думать забыл о собственных особенностях. Теперь он понял, что уже видел Лиса раньше. Как обычно, во сне. Видел давно, несколько месяцев назад, и даже несколько дней помнил этот короткий непонятный сон.

Лис, такой же рыжий, только еще более лохматый, стоял рядом с раскидистым деревом, желтые листья которого могли тягаться по яркости с его футболкой, и плакал. Плакал, стыдясь, пряча лицо, отворачиваясь, вытирая слезы костлявым веснушчатым кулаком. В руках он держал небольшую черную коробку, прижимая ее так, словно это было величайшее сокровище...

«Как обычно, ничего хорошего».

Кит раздраженно потер лицо рукой, возвращаясь в ре-

альность, и успокаивающе махнул тревожно смотрящему на него Лису.

– Хорошо все, хорошо... Не волнуйся.

Лис осуждающе поцокал языком и с головой нырнул в тумбочку, стоящую рядом с его «норой».

– Лис волнуется. Ты совсем не светлый и не яркий. Тебе нехорошо, и Лис не может бросить друга в беде, – пробубнил он, чем-то шурша в недрах тумбочки, и тут же, восторженно ахнув, вылез. – Вот! Лис знает, что тебе подарит!

Лист плотной бумаги Кит сначала принял за оторванную обложку какой-то детской книги, потом за распечатанную картинку, и только когда его пальцы нащупали на обратной стороне листа характерный рельеф, он осознал, что держит в руках дивной красоты рисунок, сделанный самыми обыкновенными цветными карандашами. Рисунок – хотя какой рисунок? Настоящая картина! – изображал лежащую среди сочной зеленой травы фиолетовую с золотым змею в крохотной золотой короне. Изображение нельзя было назвать таким уж реалистичным, но и откровенно мультяшным оно тоже не выглядело.

– Это друг Лиса – Король Змей, – объявил рыжий, пока Кит придирчиво разглядывал лист, изучая карандашные штрихи. – Он всегда охраняет Лиса и все ему рассказывает. Пусть он будет у тебя, и больше никто не напугает тебя с потолка!

– Да не надо, мне-то и подарить тебе в ответ нечего... –

Кит, полюбовавшись, все же протянул рисунок Лису. – Не надо.

Паренек замотал головой так, что его чалма развалилась и полотенце упало на пол.

– Бери, бери! Лис себе еще нарисует!

– Ты? Врешь... – Кит, ошарашенный новостью, поглядывал то на новоявленного художника, то на Короля Змей.

Но рисунок больше вернуть не пытался.

Дождь ехидно посмеивался над ними, заглядывая в незашторенное окно.

Глава 8

О вреде чтения

«Ты тоже что-то слышишь?»

Немо любила читать сколько себя помнила. Ее затяжной роман с книгами начался, когда незнакомые значки на страницах стали узнаваемыми и любимыми буквами, и с тех пор ее чувства не ослабли. Детские книги и энциклопедии, учебники, немыслимое количество художественной литературы... Она росла, переходила из класса в класс, а ее особенность крепла, делая общение с людьми невыносимым. Немо пряталась, избегала любых контактов, ссорилась с родными, все больше превращаясь в нервную замкнутую одиночку, и через некоторое время книги остались ее единственными верными друзьями.

Немо не любила фильмы из-за фальшивых эмоций актеров, которые ощущала произвольно, не распробовала виртуальную жизнь социальных сетей, так как текстовые сообщения несли в себе отголоски чужих эмоций, хоть и меньше, чем услышанные слова, не смогла заняться никаким рукоделием, так как никогда не могла сосредоточиться... Поэтому все свободное время она посвящала чтению.

В книгах тоже жили люди, которые совершали подвиги и допускали ошибки, били в спину и спасали близких, рискуя собой, но Немо могла свободно наслаждаться их историями, не теряя себя и не видя их насквозь. Книги стали для нее гарантией покоя и отдыха. Поэтому едва попав в «Ец», она как-то сразу нашла для себя тихий уголок по душе. И пусть там все утонуло в пыли, и пусть небогатый ассортимент составляли книги из школьной программы и детская литература – это был ее маленький мирок, где она могла существовать, не боясь исчезнуть, раствориться в чужих эмоциях, которые норовили заполнить ее полностью, стирая личность, меняя настроение и путая мысли.

Немо начала привыкать к этому месту, к людям, которые находились тут с ней, и, убеждая Кита остаться, она говорила искренне. Живущим здесь не требовались объяснения, если она просила ее не касаться или не подходить близко. У каждого были свои условия, так что все просто кивали и без вопросов выполняли то, о чем их просили.

Немо нравилось здесь. Но каждый раз, когда ночь спускалась на лагерь, накрывая его черным плотным покрывалом темноты, она всерьез задумывалась над тем, чтобы вернуться домой. Может, это было всего лишь плодом ее воображения, но, когда за окнами дышала чернильная темень, а единственным источником света были далекие звезды да слабая лампочка под потолком, тихий днем лагерь наполнялся сотнями странных незнакомых звуков, ползущих из-за заколо-

ченных дверей, из темных углов комнаты, из мрака за окном... Что-то таилось в темноте, скрежетало, цокало, скрипело, тихо-тихо вздыхало и дышало ночью на ухо, от чего Немо хотелось, как в детстве, забиться с головой под одеяло и лежать так до утра. Она выматывала себя чтением, чтобы быстрее уснуть, старалась не вспоминать все прочитанные ужасы и обещала себе по возвращении домой оттащить в библиотеку все книги Кинга и Кунца.

Так и в этот раз. Когда за окном совсем стемнело и все разошлись по своим комнатам, она устроилась на кровати с книгой, не в состоянии сбросить напряженное ожидание нового кошмара. Сегодня он немножко припоздал.

Часы на исцарапанном экране старого мобильного показывали половину второго, когда ее босой ноги коснулся холодный щекочущий ветерок. Приподнявшись на локте, Немо медленно оглядела комнату. Непонятно, что она ожидала, а точнее, боялась увидеть, но в облюбованной спальне совершенно ничего не поменялось. Дверь и окно по-прежнему были плотно закрыты. Все так же пустовали три кровати с голыми матрасами и стояли четыре тумбочки. Зубная щетка, плохо вымытая от пасты, лежала рядом с черным шнуром зарядного устройства в окружении сосновых шишек, которыми они с Лисом зачем-то забивали карманы, черные сандалии валялись на старом линолеуме, которому долгая и непростая жизнь придала неповторимый серо-розово-оранжевый окрас...

«Спокойно, спокойно...»

Она натянула одеяло на плечи и глубже заползла в теплый кокон, придвигая ближе книгу. «Сказки и рассказы о животных» Виталия Бианки, которые так захватывали в детстве, сейчас были не лучшим вариантом, чтобы отвлечься, но других книг она сегодня не взяла. Немо нервно покусала палец, снова углубляясь в приключения ласточки-береговушки, которая искала свой дом.

Бедная маленькая ласточка уже побывала на березе у иволги, когда в дальнем углу, прямо за спиной Немо, что-то едва слышно зашелестело – как песок посыпался на лист бумаги.

– Это просто очень старое здание... – пробормотала она себе под нос, чтобы хоть так нарушить зловещую тишину, и, нервно сжимая книгу, повернулась на звук.

Ничего. Она потрянула головой и едва не заорала от ужаса. Что-то большое, черное, с торчащими рогами метнулось по стене рядом с ней, почти коснувшись, и Немо не сразу поняла, что это ее собственная четкая нервная тень.

– Просто старое здание, – повторила она, поспешно приглаживая торчащие короткие пряди.

Читать дальше настроения не было. Панический страх, накатывающий от всех этих звуков, со стороны казался совсем уж детским и смешным, но как бы Немо ни старалась – не могла расслабиться и не оборачиваться на каждый шорох.

– Я просто не привыкла, – пробормотала она, ногой на-

шаривая резиновые шлепанцы под кроватью. – Просто еще не привыкла к новому месту.

Ни Пакость, ни Спящая, ни даже Лис не жаловались на странные ночные шорохи. Почему-то только ей они доставляли столько страхов. Чем не угодила лагерю она, ранее никогда не боявшаяся спать одна и спокойно заходившая в темные комнаты?

В одной длинной белой футболке, служившей ей ночной рубашкой, Немо прошла по комнате, растирая плечи. Тревожность усиливалась, фантазия только подкрепляла паранойю. Так было всегда. Сначала тихие, ненавязчивые, словно случайные звуки, потом скрип мебели, а потом тихое-тихое дыхание за спиной.

Некоторое недолгое время она принимала решение, раскачиваясь с пятки на носок и бросая настороженные взгляды то на тень кровати, то в угол за тумбочкой. Тощая, бледная, в хламиде-футболке с растянутым воротом и красных шлепанцах, она сама походила на весьма своеобразное привидение.

– Да чепуха это все... – снова обратилась она к себе. – Ничего тут нет.

Произнеся эти слова как короткое защитное заклинание, Немо выскочила в холодную темноту коридора – как нырнула в реку ночью.

Ее комната была последней на этаже, у самой душевой. Немо намеренно выбрала ее, привычно избегая людей, и сей-

час, считай, за это поплатилась. Миновав две пустые спальни, Немо остановилась возле третьей и, коротко стукнув, заглянула внутрь. Свет не горел, но Немо не ощутила чужого сонного тягучего покоя. Чье-то отлично ощутимое напряжение добавилось к ее собственному, и поэтому она негромко позвала в темноту:

– Спящая...

Во мраке спальни закрипела старая кровать с исцарапанными ножками.

– Немо? Что случилось? Я только легла, проходи.

Удивление. Волнение. Уже неосознанно полуночная гостья переплела руки на груди, отгораживаясь от чужих эмоций.

Мелькнуло разноцветное светящееся пятно – экран мобильного разорвал темноту и осветил волосы и белое лицо Спящей. Она щурилась на источник света в своей руке и терла щеку ладонью.

– Там, слева от тебя, выключатель.

Вспыхнула желтая лампочка под потолком, показавшаяся Немо спасительным солнцем, разгоняющим нечисть. Ну почти как в гоголевском «Вие». Жмурящаяся от света Спящая, закутанная сразу в два одеяла, с растрепанной, слабо заплетенной косой села на своей двуспальной кровати, которую соорудила, сдвинув вместе две одиночные. На тумбочке темнел прямоугольник ноутбука, который, как подумалось Немо, еще не успел остыть.

– Прости за вторжение, – выпалила она, приглаживая все так же торчащие пряди. Яркий свет как-то сразу сделал все страхи надуманными и не стоящими внимания. И пусть в своей спальне она тоже не гасила его, тут, в самой обжитой комнате «Еца», в компании Спящей, сразу стало намного легче.

Хозяйка комнаты поджала ноги и похлопала по одеялу, предлагая ей сесть.

– Ничего, ничего. Не страшно. Что у тебя случилось? За тобой как гнался кто-то.

– Не гнался...

Они пока не стали подругами, просто пересекались несколько раз в день, и то если Спящая хорошо себя чувствовала и шла есть вместе с ними. Но те ровные, теплые отношения, которые связывали Немо со всеми обитателями лагеря, кроме новоприбывшего, были тем, чего она не знала давно. Стоило ли рискнуть и довериться? Если нет, то как ей теперь идти обратно и что говорить?

Немо рассеянно опустила на самый краешек кровати, ощутив знакомый запах яблочных семечек, и переплела дрожащие пальцы.

– Жутковато тут иногда, да? – неуверенно спросила она, разглядывая вытертый линолеум. – Днем хорошо. А когда темнеет...

Она не видела, как Спящая вздрогнула. Может, она и не вздрогнула, но Немо, как бы ни старалась отгородиться,

ощутила уколотивший ее настоящий страх. Когда их взгляды встретились, Спящая была непривычно хмурой и серьезной. Плавные красивые черты лица исказились от охватившего ее напряжения. Защитным жестом, успокаивая саму себя, она провела ладонями по длинным волосам, расплетая русые тяжелые пряди.

– Ты тоже что-то слышишь? – шепотом спросила Спящая.

Немо торопливо кивнула, чувствуя глупое облегчение из-за того, что она такая не одна. Это, конечно, не решало проблему, но бояться вдвоем было все же как-то веселей.

– Я уже несколько раз ночью просыпалась от этого... – продолжила хозяйка комнаты, смущенно улыбаясь ей. Ее молчаливая просьба: «Только не смейся», – была встречена Немо такой же неуверенной улыбкой.

– Знаешь, как бывает, сон неожиданно прерывается, и ты понимаешь, что тут еще кто-то есть. – Маленькая вышитая подушка перекочевала в нервные руки Спящей. – Не знаю даже, где этот кто-то. Он просто есть, и все. Где-то в темноте. А потом...

– Дыхание, – бесцветным голосом подсказала Немо.

– Да. – Глаза Спящей широко распахнулись. – Я не уверена, что услышала именно дыхание, но если и ты...

Она поежилась и бросила испуганный взгляд на дверь.

– Ну и местечко... Не то чтобы я верила во все рассказы про призраков, но и не скажу, что я такой уж скептик.

Спящая издала нервный смешок и подвинулась на крова-

ти дальше, приглашая Немо залезть под одеяло рядом. Хозяйка комнаты отчаянно храбрилась, хотя ее страх был не меньше, чем страх гостыи. Он даже не отталкивал Немо. Их эмоции сейчас были уж слишком похожи, чтобы бояться исчезновения.

– Ты же не пойдешь сейчас к себе? – Ее испуганное молчание нервировало Спящую не меньше их разговоров. – Тебе не будет очень плохо, если ляжешь со мной? Я не стану придвигаться...

Из всех их Спящая была какой-то самой гармоничной. Самой приспособленной. Самой нормальной. Хотя и не отделяла себя от остальных, как новичок Кит. Она приехала сюда, прихватив из дома все, что могло ей пригодиться за долгое лето, вплоть до таких мелочей, как подушка под шею. Когда Немо пришла в «Ец», волоча за собой тяжелую сумку, Спящая уже разбирала вещи.

Те волны, которые исходили от нее, оказались самыми плавными, самыми ровными. Она была... правильная и при этом какая-то незаметная, не выделяющаяся на эмоциональном фоне поселившихся в «Еце». Ее гармония проявлялась даже внешне. Та же Немо, отучившись уже два курса в университете, до сих пор походила на тощего нескладного подростка, а Спящей было за двадцать, как и Пакости, однако, пусть и немного исхудавшая, она отличалась женственностью, плавными линиями и приятным негромким голосом.

Очень слаба она была из-за какой-то серьезной болезни,

которую Лис называл паутинкой, но что он имеет в виду, Немо с Пакостью понять не смогли. Ни о ее силе, ни о чем другом им известно не было, а с расспросами здесь никто не лез.

– С удовольствием лягу, – выдохнула Немо, поняв, что слишком долго молчит. – Хуже не будет. Я боюсь не меньше тебя.

Быстро метнувшись к выключателю, она сбросила шлепанцы и нырнула под теплое, нагретое чужим телом одеяло. Яблочный запах Спящей принес мысли о не таком уж и далеком августе. Кровать тихо скрипнула и затихла. С живым, пусть и едва знакомым человеком под боком, который так же, как и она, хотел успокоиться и уснуть, выносить давящую темноту было намного легче.

– Ты молодец, – прошептала Немо, когда они наконец устроились, держась на небольшом расстоянии друг от друга. Темнота вокруг хранила спокойное молчание, словно передумав их пугать. – Ты выдержала, когда страшно было. А я за помощью помчалась.

– Да какое там... – Немо почувствовала, как краснеет от чужой эмоции неловкости. – У меня наушники есть. Нашарила в темноте, музыку включила, и никакого дыхания не слышно. Вот и вся моя храбрость.

– А мои сломались. Я не думала, что они мне так сильно понадобятся.

Ночь по-прежнему вела себя дружелюбно, и Немо оконча-

тельно расслабилась, вытягиваясь на чужой кровати. Страх ушел, и она сразу вспомнила, что забыла в комнате мобильный и так и не выключила там свет... и пусть. Утром все сделает.

Может, она уже и заснула бы, но Спящая все окутывала ее облаками странных ощущений, в которых была капелька страха, и тоска, и светлая грусть, и сон уходил от Немо все дальше и дальше. Привычка невольно читать чужие чувства дала возможность понять, что именно сейчас делает лежащая рядом.

– Ты вспоминаешь? – Это было больше похоже на утверждение, чем на вопрос. Прозвучало, наверное, слишком резко, поэтому Немо поспешно добавила: – Прости, что лезу. Можешь не отвечать.

– Ого, ты и это чувствуешь? Нет, ничего секретного.

Кровать заскрипела. Спящая перевернулась на бок, лицом к своей временной соседке, охотно делясь тем, что подкинула ей память.

– Это давно очень было. Еще в школе. Правда, я не в лагерь ездила, а в санаторий для таких дохляков, как я. Унылое местечко. Порядки какие-то тюремные, занять себя нечем. Мы развлекались тем, что играли в самодельные карты и читали мемуары предшественников, оставленные на кроватях фломастерами.

– Тут тоже такое есть. – Немо сунула руку под голову, понимая, что заснуть можно будет не скоро. – У меня все кро-

вати в комнате исписаны. Ну там ничего интересного. Разные варианты «Хочу домой» или что-то вроде «Вожатый Витя – козел».

– Интересно, у меня тоже есть? Я и не заметила. А ну-ка...

Спящая заерзала, нашаривая мобильный, и, отогнув угол матраса, заглянула под него. Дно кровати пестрело памятками о ее прежних обитателях. Писали ручками, фломастерами и даже лаком для ногтей. Пятнышко белого света заскользило по инициалам и датам, номерам отряда и смены, нецензурным словечкам и признаниям в любви. Немо склонилась ниже, и теперь они вдвоем, отгибая тяжелый матрас, читали то, за что многим авторам наверняка устроили серьезную выволочку, поймав на горячем.

– «Тут не кормят и не пускают за территорию!» – читала негромко Спящая, морща насмешливо нос. – О, некий Саша и сердце рядом... А это я читать не буду, а это что-то вообще непонятное. «Осторожно!»

– А дальше? – как можно спокойней спросила Немо, пытаясь заглянуть под матрас. Изменившееся настроение Спящей она почуяла вмиг. Словно сосульку по спине пустили.

– Ничего. «Тук-тук-тук».

– Что?

– «Тук-тук-тук». Так прямо и написано. Вон, глянь. – Она подсветила, давая соседке возможность разглядеть четкие печатные буквы где-то возле ее живота. – Бред. Не обращай внимания.

Тяжелый матрас выскользнул из слабых рук Спящей и распрямился, сбив при этом с края тумбочки тюбик с кремом. Тот покатился по полу со зловещим стуком, от которого сидящие на кровати синхронно подскочили, хватаясь друг за друга. Если бы от страха у обеих не свело спазмом горло, их дружный вопль переполошил бы весь этаж.

И словно в насмешку в окно бодро забарабанил не так давно поутихший дождь.

– Давай лучше спать, – предложила тяжело дышащая Немо, отцепив от своей футболки пальцы Спящей. – А то мы сейчас дочитаемся...

– Ты права, права... Смешно прямо, две здоровые дылды испугались крема.

Глава 9

Исповедь

«Я не хотел»

Сон был тяжелый, мутный, давящий. Когда он вынырнул из него – словно очнулся от тяжелого забытья во время болезни или оклемался после бурной гулянки. Полную тупого гудящего ступора вечность длиной в четыре минуты Пакость валялся на скомканной простыне, пялясь в стену, снизу синюю и белую сверху, не совсем понимая, где он и почему эта комната так похожа на больничную палату. И только серебристый гигант-тополь за окном вернул его в реальность окончательно.

Тополь тонул в сырых и промозглых лохмотьях густого тумана, серого в утренних сумерках. Пятнадцать минут пятого – сообщили старые дедовские часы с разорванным ремешком, но парень был так вымучен этим странным незапоминающимся сном, что решил вставать.

За ночь корпус остыл совсем. Даже выросший в вечно неотопливаемой хрущевке Пакость начал стучать зубами, пока дошлепал до соседней кровати и влез в холодные джинсы.

Что ж ему таки снилось?

Ноги были ватные. В целом – словно через соковыжималку прогнали. Несколько раз для верности. Пока он отрыл неизменную рубашку, пришлось пару раз с кряхтением наклоняться, поднимая упавшие вещи. Все, что поднять терпения уже не хватило, он затолкал глубже под кровать. Последней, словно откровенно потешаясь над ним, упала помятая сигаретная пачка, и все ее содержимое – три несчастные сигареты – рассыпалось по линолеуму. Пришлось снова наклоняться и возвращать добро на место.

У него были еще. Перед самым своим отъездом Пакость распотрошил две нетронутые пачки и распихал по всем карманам и по сумке, создавая для себя неприкосновенный золотой запас, который нельзя уничтожить в пару заходов, так как фиг найдешь. Видимо, не зря он это сделал.

«Ец» еще крепко спал, застывший, оцепеневший, когда он выбрался из комнаты с полотенцем на шее. Раз уж спать не получилось, пора было себя потихоньку реанимировать. Пакость шел, шаркая подошвами резиновых шлепанцев, и этот звук уничтожал охватившую корпус застывшую тишину, но никто не выглянул, чтобы высказать свое отношение к такой альтернативе будильнику. Спали как сурки.

Что-то было в коридоре неправильным. Сонный Пакость почти добрался до душа, когда понял, что дверь в комнату Немо приоткрыта и внутри горит свет.

«Подорвалась или не ложилась?»

На одной из четырех кроватей, той, которая стояла в дальнем углу у окна, была разобрана постель, одеяло разворочено белым хищным цветком, из пасти которого выпорхнула ловкая букашка. Забытый мобильный на углу кровати, там же раскрытая детская книжка... Погасив свет и захлопнув поплотней дверь, Пакость, отмахиваясь от колющего чувства тревоги, двинулся дальше и у душа притормозил, прислушиваясь – нет ли кого. Лагерь продолжал мирно спать, приглушив звуки и краски и совсем не реагируя на его пробуждение. Пакости казалось, что если он прислушается, то услышит, как «Ец» дышит во сне.

За разошедшейся дверью царила прохладная вязкая сырость. Плитка на полу, того же неясного цвета, что и линолеум в комнатах, топорщилась драконьей чешуей. В ямках и щелях теперь не высыхала вода. От защелки на двери остались только проржавевшие ушки, и дверь запиралась изнутри на туго ходящий толстый и не менее ржавый гвоздь.

Он раздевался, пялясь на темный неприветливый пейзаж и слепые окна пустого соседнего корпуса, от которого их отделяла заросшая лужайка и пара деревьев. Туман и сумерки превращали реальные предметы в расплывчатые неясные образы, и Пакости все мерещилось, что кто-то так же стоит в такой же душевой и смотрит на торец их корпуса через такое же окно. Он ухмыльнулся своей развивающейся паранойе. Если бы тут ошивался еще кто-то – он бы знал. Пакость облазил «Ец» вдоль и поперек, заглядывая во все окна и дергая

все двери.

Труба лишенного рассекателя душа нависла над ним, склонившись от покрытой черными пятнами стены, и захрипела, стоило повернуть кран. Сначала вода пошла холодная, но потом сжалилась и потеплела. Струя била прямо в макушку, заливая лицо и уши, стекая по подбородку, по плечам, по груди вниз и через минуту, а то и меньше Пакости уже было плевать и на Немо с ее причудами, и на странные сны, и на туманные видения. Расслабившийся и повеселевший, он мылся долго и не спеша, наслаждаясь тишиной. Короткий стук раздался внезапно, заглушив даже звук вырывающейся из трубы воды и потоков, выливающих на ошестинившуюся плитку.

Тук-тук-тук.

– Раньше надо было просыпаться, Книжный Червь. Занято, – отозвался бодро Пакость, не сомневаясь в том, кто сейчас стоит за дверью.

Немо промолчала, но не ушла. А только снова, так же настойчиво повторила стук.

Тук-тук-тук.

– Терпение, терпение. Жди теперь. В большой семье клювом не щелкают. Чего это тебе так приспичило? В пыли опять вывалялась?

Тук-тук-тук.

– Ты там разговаривать разучилась? – разозлился Пакость, закручивая скрипучий кран. – Словами можешь ска-

зать? Или... – Его пронзила внезапная догадка, и ухмылка вышла шире. – Или это не Немо? Лисеныш, ты, что ли?

Тук-тук-тук.

– Спящая? Да ну, не верю...

Тук-тук-тук.

– Ага! Я так и думал... Дик, Кит... Или как там тебя? Жди спокойно, сказано же. Неохота – валяй на улицу. Все лужи в твоём распоряжении.

Тук-тук-тук.

Это уже было не смешно. Пакость не мог даже определиться, кому именно из живущих здесь могло прийти в голову так тупо разыгрывать. Разве что этот самый Кит... Кто знает, что он за фрукт. Вот вам и нормальный...

– Я тебя щас головой постучу!

Тук-тук-тук.

Душевая была всего шага три в длину. И два широких шага до Пакости. Стараясь не издать ни одного лишнего звука, он приготовился к рывку. Одежда и полотенце висели на разболтанных крючках у двери: одеваться – себя выдать.

– Ты чего там затих?

Тук-тук-тук.

Пакость рванул к выходу еще с первым стуком. Третий еще затихал, когда он рванул гвоздь и распахнул дверь, желая расшибить лоб надоедливому стукачу. После тесной, полной пара душевой в коридоре его, мокрого, мигом накрыла волна холода. Ни топота, ни ойка, ни хлопанья дверей...

Тяжело дышащий Пакость напряженно посмотрел по сторонам. Дверь открывалась так, что он бы увидел любого, кто промчался бы в сторону комнат. Он заглянул за дверь. Пятачок свободного пространства. Слева – стена. Справа – стена. С другой стороны двери – дверь туалета, запертая снаружи. Они сами стали запирать ее в первые дни, потому что она постоянно хлопала от малейшего сквозняка. Пакость даже проверил крючок – заперто.

Дальше было только плотно закрытое окно. Ни единой живой души.

Теперь холодно стало не только из-за стылого коридора. Сантиметр за сантиметром Пакость обшарил дверь, ища на ней что-то, ну хоть что-то, способное стучать. Стучать в ответ на его слова... Осматривая душевую, потом участок коридора у двери, потом окно, он мысленно спрашивал себя: не померещилось ли? Не совпадение ли? Да какое совпадение может быть, если он считал, что общается с человеком? С живым человеком.

Спящий «Ец» молчал. Зловеще и угрожающе. Темный, блеклый, неясный, заброшенный, отвыкший от людей. Оди-чавший. Непонятный. В этом густом сером мареве могло скрываться все что угодно. И хоть Пакость на этой мысли скептически фыркнул, теперь он смотрел на коридор корпуса другими глазами. Обычные вещи приобрели зловещий вид – трещины на стенах, падающие капли, скрипящий за окном тополь...

Пакость одевался торопливо, натягивая одежду прямо на мокрое тело и поскользываясь на плитках. У него было ощущение, что этой ночью все люди на земле куда-то пропали и он остался один в этой серой мгле и давящей тишине. Совершенно один.

В комнате Немо было пусто. По-прежнему. Понимая, что сойдет с ума, если немедленно не разыщет хоть кого-то живого, он вломился к Лису и влетел в стоящие посреди комнаты тумбочки. Одна распахнулась от удара. Прямо на ноги Пакости посыпались карандашные огрызки, и – о чудо! – на первый взгляд просто сваленные в кучу подушки и одеяла на сдвинутых кроватях сонно заворчали.

– Лис, Лисеньш... – От напряжения у Пакости сел голос. – Лис, это я. Вылезай.

Лисья берлога походила в полумраке на неудачно построенный вигвам или на муравьиную кучу. Пакость наугад запустил мокрую руку в глубину этой кучи и ухватил теплую костлявую пятку, потянул на себя.

Куча оглушительно чихнула, пятка брыкнула его и пропала. Из самого центра берлоги, разбрасывая подушки и одеяла, медленно поднялась лохматая макушка. Сонные глаза – это было видно даже в полумраке – непонимающе заморгали.

– Мама еще не вышла на небо, и Лис хочет спать... – глухо сообщил паренек, потирая кулаками глаза.

– Да там туман такой, что мама твоя, может, сегодня и не выйдет, – буркнул Пакость, сердитый на то, что не придумал

мал повод, по которому растолкал Лиса. Просто хотелось его сейчас чувствовать рядом. Теплового, живого, странного.

В этой спальне, такой же холодной и пустой, как и все остальные, было неожиданно спокойно и уютно. Страх остался за порогом. От вида взъерошенной со сна Лисьей головы ему отчаянно захотелось зевнуть, а еще лучше – завалиться на соседнюю кровать дрыхнуть.

Груда снова зашевелилась. Лис поднялся на колени, выдвигаясь больше из своего логова. Показались покрытые веснушками плечи, ключицы и грудь.

– О-о-о-о, – непонятно по какому поводу протянул рыжий, смотря на Пакость абсолютно расфокусированным взглядом. – О-о-о-о-о. Лис сейчас встает...

Что он там увидел, Пакость не спросил. А даже если бы спросил – не понял бы ничего в этих Лисовых «кружочках», «пятнышках», «полосочках». Рыжий без вопросов выбрался из постели и, сопя, принялся одеваться. За это его понимание, и плевать на чем основанное, Пакость готов ему луну с неба достать.

Вот только пристроить луну в этой комнатушке было сложновато, и Пакость решил начать с малого. Присев, собрал рассыпанные им же карандаши и аккуратно закрыл тумбочку.

– Пошли на кухню, Лисеныш, – предложил он, пока рыжий искал кроссовки и вполголоса уговаривал их больше не теряться, а шнурки не развязываться. Это чудаковатое бор-

мотание успокаивало, вместо того чтобы раздражать.

– Пошли, а? Я тебе чай сделаю. Большую чашку. И яичницу поджарю, хочешь? И большой кусок хлеба с маслом дам. Согласен? Пошли только?

Лис выглянул из-под кровати, прижимая кроссовку к груди так, как держат любимого кота, и просиял улыбкой.

– Лис согласен! Лис пойдет!

* * *

– Немо не пропала.

Синий цветок газовой горелки лизал темное дно чайника. От раскрытой духовки с темнеющим синим огненным «П» в пасти слегка пахло газом, зато шло такое необходимое сейчас тепло. Электрическим светом лампочки Пакость прогнал из кухни прочь сырой полумрак, а вместе с ним и остатки своих страхов.

– Немо спит со Спящей в комнате. – Лис сидел на стуле, протянув к духовке ноги и руки. Его футболка медленно высыхала после короткого холодного дождика, напавшего на них в предрассветной мгле по дороге сюда.

– Они, наверное, кого-то испугались, – беспечно добавил он. – Наверное, того, кто смотрит с потолка...

Нож соскочил с кирпичика хлеба, Пакость торопливо сунул порезанный палец в рот и неуверенно возвел глаза к потолку. Пятна и паутина, ничего особенного. В «Еще» все по-

толки были практически одинаковые.

– Кого-кого?

– Лис не знает, как его зовут. Он просто висит на потолке над кроватью и смотрит. Лис его один раз видел.

– И стучит?

Лицо Лиса удивленно вытянулось, рыжие ресницы захлопали.

– Нет, не стучит. Лису не стучал. А тебе стучал?

– Нет.

Нож вонзился в черствеющий хлеб, ломая корку и рассылая мякиш. На изрезанную исцарапанную столешницу посыпались крошки. В напряженном молчании Пакость отрезал пару толстых ломтей и начал намазывать на них замерзшее масло.

– А ты откуда знаешь, куда делась Немо? – хмуро спросил он.

Хмурился не на Лиса, на Лиса нельзя было хмуриться. Просто, если не считать собственной способности, он впервые так плотно столкнулся с чем-то необъяснимым и так и не понял, как ему на это реагировать.

– Лис тоже хотел к Спящей, – честно признался рыжий, глядя на него доверчиво и открыто. – Лис уже когда-то ходил к ней, и она слушала то, что он ей рассказывал про своих друзей.

– Тебе тоже страшно было?

– Просто Лису не спалось. – Он шумно выдохнул и неожи-

данно виновато втянул голову в плечи, глядя на Пакость так, словно на него прикрикнули. – Можно?

– Что можно, Лисеньш?

– Можно же ходить к Спящей?

Пакость, наклонившийся, чтобы выключить духовку, так и замер с согнутой спиной. Мало ему было Немо, которая видит всех насквозь. Теперь еще Лис, которого он точно не собирался посвящать в свои планы. Сила Лиса до сих пор была загадкой, как и сила Спящей. Младший из них точно видел мир как-то по-другому, но сформулировать, как называется эта способность, не мог. Да и вообще чаще всего вел себя так, словно ничего особенного не умел.

– Да какое мне дело, куда ты там ходишь, – проворчал Пакость, распрямившись и хлопнув дверцей духовки.

Тяжелая сковородка с грохотом опустилась на плиту. Лисья непосредственность выбивала из колеи тогда, когда он считал, что привык к нему окончательно.

– Вы только поспать ей давайте нормально. Она и так... нездорова.

Лис вздохнул и замолчал. Потом принялся сметать в ладонь крошки со стола.

Небо за окном потихоньку светлело, где-то там, за соснами, росла алая полоса рассвета, которую они не могли видеть. Проснулся и дождь. Вялые редкие капли забарабанили бодрей, их армия стремительно росла, пополняясь все новыми и новыми бойцами. Зловещее оцепенение лагеря смени-

лось холодным, неприветливым оживлением. Но все это было за стенами, а в их нагретом газом убежище тихо посвистывал чайник и шипело масло на сковороде.

Почти не страшно было сейчас вспоминать события в душевой. Как дурной сон, который бледнеет, отступает с приходом дня. Вилкой ковыряя жарящееся яйцо, Пакость старался понять, верить ли словам Лиса про этого непонятного на потолке. Лис – это Лис. Он вон с кроссовками разговаривает и, может, даже думает, что они ему отвечают.

Он снова ковырнул белок вилкой и убавил немного огонь. Станным «Ец» был местом. И люди тут собрались странные. И отношения между ними возникали соответствующие. Взять хотя бы его и Лиса...

Лис – существо из другого мира, которое должно было его раздражать, но не раздражало. Лис был искренним, наивным, смешным и казался совершенно не приспособленным к жизни. Пакость сам не понял, как начал считать его кем-то вроде младшего братишки, за которого он в ответе. Может, ему этого и не хватало? Кого-то, о ком можно было заботиться, кого-то, кто бы был от него зависим?

Ни братьев, ни сестер у него не было. Даже домашних питомцев. Мать категорически противилась любой живности в квартире. Сначала он был слишком мал, чтобы спорить, а потом, когда вырос, понял, что не хочет заводить ту же собаку в месте, которое и домом-то назвать сложно. Будь жив дед, он бы наверняка решился. Но тот умер, когда Пакость

ходил во второй класс.

– Пакость, Пакость... – Лис придвинулся вместе со стулом и потрогал его носком кроссовки.

Он встряхнулся от неприятных мыслей и выключил газ. Лис очень вовремя вмешался и спас собственный завтрак. Иначе бы пришлось отскрести его от сковородки.

– Чего тебе?

Скрипнули дверцы буфета, и загремели тарелки.

– Не грусти, не надо. И не бойся никого. Ты же хороший, а хороших не трогают.

– Кто не трогает?

– Они. – Лис произнес это так, словно Пакость должен был сразу понять, о ком речь.

– С чего ты взял?

Тарелка с исходящей паром яичницей опустилась на стол перед Лисом.

– Лис ничего нигде не брал, Лис просто знает. Лис слышал много страшилок, и... Лис просто знает, и все. С плохими всегда что-то случается.

Горькая усмешка Пакости переросла в гримасу. Это торопливое бормотание звучало так уверенно, что младшего становилось откровенно жаль. Каким чудом он эти розовые очки на себе удержал до сих пор? Или просто сам себя убедил?

– Дурачок ты, Лис. Ни черта не знаешь. – Пакость выключил чайник и полез за чашками. – Со всякими что-то случает-

ется. И с плохими, и с хорошими. А говорят, что с хорошими даже чаще...

– А ОНИ обижают только плохих, – уперся Лис, воинственно воткнув вилку в яичницу. – Спасибо. А ты?

– Неохота... Ешь, ешь. Сейчас чай будет.

Их спор растаял в запахе свежесваренного чая и недорого растворимого кофе. Дождь шумел и шумел, превращая асфальтовые дорожки в каменистые горные ручьи, а тропинки и клумбы в болота. Он запер их в четырех стенах, заставив отсрочить длинные прогулки, посиделки на качелях на детской площадке или в Беседке – так они прозвали местный стадион, куда приходили, чтобы поговорить с глазу на глаз. С кем-то или с самим собой.

Пакость курил в приоткрытую форточку, пока младший бодро расправлялся с завтраком. Настроение было препаршивое, а дождь портил его еще больше. Пакость мысленно твердил этому наглому дождю, что, если ему сильно захочется бродить по территории, он не испугается холодной воды с неба и раскисшей земли. И ничего ему не будет.

Капли барабанили по ржавому карнизу раздражающе монотонно. Кап-кап-кап-кап. Так же настойчиво и невозмутимо, как и та невидимая рука сегодня, коротко стучавшая в дверь душевой. Пакость поморщился.

Он потащил сюда младшего, чтобы развеяться, а этот чудик только подлил масла в огонь. «Обижают только плохих...» Успокоить хотел, казалось бы, а волей-неволей заста-

вил вспомнить все грехи. Ему было что вспоминать... Может, и правда расплата настала? На тупой ужастик смахивает, но сама ситуация утром словно оттуда.

– А ты все равно ничего не бойся, – неожиданно и очень упрямо заявил Лис, возрождая их прерванный разговор. Как мысли прочел. Он обернулся на стуле и смотрел неожиданно серьезно, плотно сжав губы в прямую линию.

– Лис... с чего ты вообще взял, что я хороший? – после слишком уж затянувшегося молчания спросил Пакость, выпуская дым.

Желтые глаза Лиса были сейчас почти как буравчики Немо. Впились – не выдернешь.

– А какой ты?

– Много ты обо мне знаешь?

– Немного. Но ты точно хороший...

– Точно-точно?

– Точно-точно!

Пакость глубоко затянулся, закашлялся, как будто впервые взял в руки сигарету. Он же не собирается рассказывать сейчас все Лису? Или собирается? Зачем? Может, не стоит?

– Я человека убил, Лисеныш, – прошептал он, и голос его чуть не утонул в шуме дождя. – Давно, лет восемь назад. Ну что, сильно я хороший?

«Может, эти твои ОНИ и правда существуют и за мной пришли?» Не то чтобы он сильно в это верил, но слова Лиса так крепко засели в голове, что он все время к ним возвра-

щался.

– Кого? – Рыжий спросил сразу, не отмалчиваясь, без драматических пауз. Он говорил тем же непривычным серьезным тоном, весь такой внимательный и взрослый. Вроде и не его знакомый солнечный Лис.

– Очередного мате­рино­го приживалу. У нее они меняют­ся чуть ли не каж­дый месяц... От ко­го-то из них и меня по­лучила... – Пакость не мог смотреть на Лиса. Он раз­гляды­вал сто лет не крашенную оконную раму, отковыривая от нее ногтем чешуйки белой краски.

– Как?

– Проклял, как еще? Он шкаф с антресолями был, тот еще бычара, а я пацан совсем, такой, как ты сейчас. – Пакость не выдержал и сплюнул на пол, стряхнул в форточку пепел. – Он сначала такой весь хороший, такой весь заботливый, а потом озверел... Нади­рался, руки рас­пус­кал... – Он заты­нул­ся так, что сигарета ист­ле­ла почти до филь­тра. – Ясное дело, я его прокли­нал, я тогда уже понял, что если разо­злюсь – будет плохо. Три раза он раз­би­вал­ся на машине. Три раза, пред­став­ляешь, Лисеньш?! Машина в мя­со, а сам как-то ж, тварь, целеньким почти оставался. Ну в четвертый ему не повезло... Влетел в столб где-то на окраине. Пока «ско­рая» приехала, он уже скон­чаться успел... В новостях пере­да­ва­ли, сюжет показывали... Железо мягое, на ас­фаль­те кровяки полно. – Пакость передер­нул­ся. – Я в таком шоке был, когда уви­дел, что месяц не чув­ство­вал в себе ничего... как

отрубил. Нет, я не жалею его ни капли. Поделом. Но... Я не хотел. Просто... просто страшно все это понимать.

Окурок смялся, оставляя на условно белом подоконнике коричневую точку, и улетел через форточку под припустивший дождь. Пакость угрюмо молчал, не понимая, облегчил ли себе душу или сделал еще хуже. Много дураков, наверное, позавидовало бы его способности, но никто из них и предположить не мог, каково это – вспыхнув из-за ничего не значащей мелочи, чувствовать, как где-то в груди ревет воистину адское пламя и вырывается наружу сквозь грудную клетку. А потом с человеком, который просто попал тебе под горячую руку, случается беда. Он не так давно еле-еле начал себя контролировать...

– Тебе все равно нечего бояться. – Лис неожиданно вырос рядом, словно переместился в пространстве. Если Спящая пахла яблочными семечками, то от Лиса исходил запах душистой травы и нагретой солнцем земли, не менее приятный в такое гнилое утро. Желтые глаза сияли сосновой смолой. Веснушчатые худые ладони взяли руку Пакости и крепко стиснули, согревая своим солнечным теплом.

Рыжий не испугался, не начал уговаривать, что это пустяки, не стал читать морали. Лис просто принял к сведению. И ничуть не изменил свое поведение. И это было как-то удивительно правильно. Пакость кривовато усмехнулся ему, отходя от внезапной исповеди.

– Этого никто не знает, Лисеныш. Ты и я только.

– Лис никому не скажет. – Паренек по-прежнему смотрел так же цепко, разглядывая что-то ему неизвестное. На кончике рыжего носа неучтенной веснушкой застыла капелька желтка.

– Хочешь, Лис сделает так, чтоб тебя никто-никто не тронул и у тебя все было хорошо? – заговорщицким шепотом спросил Лис, снова превращаясь в того привычного веселого большого ребенка. – Лис немножко волшебник. Если Лис немножко поколдунствует – все точно станет хорошо!

Это было настолько нелепо, что Пакость, при всей его нынешней подавленности, коротко рассмеялся и вытер яичницу с носа Лиса.

– Давай, колдунствуй. Волшебную палочку принести или ты так?

– Лис – так. Лис же не фея! – Казалось, рыжий на секунду даже обиделся.

Никаких пассов руками и абракадабры не последовало. Младший отступил на шаг, крепко зажмурился и стиснул костлявые кулаки, вытянувшись в струнку.

– Погладь Лиса, – потребовал он через пару секунд. – Срочно погладь Лиса.

Посмеиваясь над этим цирком – от Лиса, впрочем, и не такого можно ожидать, – Пакость потянулся и взъерошил красно-оранжевые обжигающие пряди, которые сегодня никто и не думал расчесывать. Потом для верности провел по ним еще раз, а потом погладил, как кота. Пряди были мягкие, но

густые, и казалось, что они греют руки не хуже газовой конфорки. Лис довольно улыбнулся на его ласку и приоткрыл один любопытный глаз.

– Вот теперь – сработало! Сработало же?

– А я должен что-то почувствовать, да? – фыркнул Пакость, отмахиваясь от его чудачеств, как от надоедливой мухи.

Колдунство было тому виной или сам Лис, а ему неожиданно стало намного легче. И вроде ничего не изменилось, и вроде небо хмурилось как и прежде, и дождь шел как шел, но тучи в его душе разошлись.

А еще Пакость неожиданно вспомнил, что ни разу за эту неполную неделю их знакомства он не сглазил Лиса. Ни разу.

Глава 10

Под дождем

«Прекрати!»

Комната, в которую позвала его Немо для проведения какого-то непонятного совещания, была ему незнакома. Она находилась все в том же корпусе на первом этаже, рядом с владениями Книжного Червя, и на условно белой двери еще сохранилась тусклая табличка с надписью «Игровая».

Для Кита само желание этой странной компании собраться вместе уже было подозрительным. Он находился в лагере второй день, но заметил, что его обитатели только изредка едят всей компанией, а остальное время проводят порознь. Что-то новое и тревожное было в напряженной позе улыбочивой Спящей, во взглядах Немо и Пакости, направленных куда-то в дальние углы комнат. Кит, как многие молчаливые люди, очень хорошо умел подмечать подобные изменения поведения, так как большую часть времени смотрел и слушал других. В этот раз он тоже не приставал с расспросами, и ему конечно же никто ничего не рассказывал. Мысли из-за общего напряжения все время возвращались к вчерашним словам Лиса о том, кто смотрит с потолка. К слову,

сам рыжий испуга ничем не выдавал, хотя выглядел погрустневшим и заскучавшим. Правда, тут виной была непогода, не дававшая Лису гулять по лагерю.

«Может, у них обострение какое-то из-за непогоды? А у меня? У меня тогда тоже?»

Первая ночь на новом месте прошла отвратительно. Обрывки сна, не приносящие отдыха, чередовались с долгими минутами бессонницы, когда он лежал в темноте, пялясь в потолок, и покрывающие его пятна складывались в пугающие белесые глаза, а из того угла, где он пристроил рисунок Лиса, слышалось едва слышное шипение. А может, это все был один сплошной изматывающий сон? Кит старался верить именно в это.

– Короче, сегодня в двенадцать машинка приедет с жратвой, – сообщил торжественно Пакость, усаживаясь на грязный подоконник. – Надо решать, что будем на среду заказывать. Может, кому-то чего-то эдакого хочется...

Неизвестно, как выглядела игровая в лучшие годы «Еца», но сейчас она представляла собой темную холодную комнату с хаотично разбросанными по ней стульями и парой исцарапанных шахматных столов. Нынешние обитатели лагеря расселись по комнате кто где, не стремясь устроиться рядом друг с другом. Просто в одном помещении, и хватит.

– Ну а ты что-то уже придумал? – Спящая не заведовала продуктовыми запасами и на кухне появлялась редко. Насколько знал Кит, она даже ела часто у себя.

– Молоко. – Пакость начал загибать желтые от табака пальцы. – Яйца после сегодняшнего завтрака к концу подойдут. Ну и муки не мешало бы. Будете себя хорошо вес ти – оладий нажарю!

– А ты умеешь? – недоверчиво повернулась к нему Немо, занявшая стул за баррикадой из шахматного стола.

– Ой, да чего там уметь! Смешать и на сковородку наляпать. В среду наделаю, если не передумаю.

Немо недоверчиво сощурилась, давая понять, что она вряд ли будет есть то, что получится, но критиковать идею не стала. В руках она держала «Детей капитана Гранта», открытых на первых страницах, и книга поглощала львиную долю ее внимания. Странное это было собрание, отметил мысленно Кит из своего угла. Словно все они случайно оказались в этой комнате, а не пришли посоветоваться. Сам он пялился на голубую стену с нарисованным на ней приторно-веселым мультяшным львом в синих шортах. Вокруг него летали шарики и почему-то пчелы, походившие на некачественных клонов знаменитой пчелки Майи, мультик о которой он смотрел в детстве. Картинка была бы забавной, если бы кто-то догадался ее подновить. А так краска облупилась, бессердечно искалечив половину пчел, лев потерял оба глаза, отчего напоминал ночные галлюцинации. Кит раздраженно отвернулся.

– А может, карамелек еще? – это снова заговорила Немо. Она обращалась к Пакости, но смотрела на спину пля-

щегося в окно грустного Лиса, с самого утра выглядывавшего в небо свою придуманную маму.

– Немного разноцветных карамелек. Хоть грамм сто. Хочешь, Лисенок?

Рыжий художник растерянно обернулся, прослушав все, кроме своего имени.

– Заметано, – поддержал идею Пакость, достав из кармана свои старые часы. – Молоко, яйца и карамельки. Думаю, хватит с нас. Разве еще макарон попросить про запас. Слышал, Дик или как там тебя? Минут через пятнадцать будем выдвигаться...

Кит, который еще злился за свой удар током, поднял на Пакость тяжелый, хмурый взгляд, не понимая, как трактовать такое приглашение. Рука дружбы? Ох, вряд ли.

– А чего я? – хмуро поинтересовался он, смотря уже не на Пакость, а на льющийся без устали дождь за окном.

– А чего бы и не ты? – Тот оскалил желтые зубы. – Я один волоочь по дождю то, что привезут, не буду. Кто знает, сколько там еды окажется. А тебе полезно прогуляться, хоть какой-то толк...

Несмотря на ядовитые слова, выбор Пакости был понятен. Кроме Кита тут были две девушки и Лис – считай ребенок. Кому еще тащиться в дождь встречать машину? Ни капюшонов, ни зонта. Последнего не нашлось даже у запасливой Спящей, о чем она им сообщила почти виновато.

– Лис может пойти...

– Я могу пойти... – одновременно с ним отозвалась Немо, по тону которой было ясно, что она чувствует приближение бури.

Кит отмахнулся от нее, проигнорировав Лиса.

– Прогуляюсь, – коротко отозвался он. – Чего б не прогуляться...

Впервые после знакомства они с Пакостью должны были остаться вдвоем. А там уже – что будет. У Кита после вчерашнего кулаки чесались еще сильнее.

* * *

Пакость ступил под льющие с неба холодные потоки первым, совершенно не обращая внимания, что его неизменная рубашка тут же прилипла к телу. Кит пошел следом, обходя постепенно превращавшиеся в маленькие озера лужи. Капли текли по спине, повисали на челке, приклеивая ее ко лбу, оседали на ресницах режущим глаза мокрым грузом. Кроссовки промокли насквозь, стоило ему миновать выложенную плитками дорогу, ведущую от корпуса, и перейти на аллею.

Лагерь лежал вокруг поникший, молчаливый, понурый – бродячая собака, так и не нашедшая укрытие в непогоду. Дождевая вода смыла пение птиц, смыла незримую паутину запустения и зловещую безлюдность, смазала пейзажи, исказила черты, оставив только поблекшие, потемневшие краски, шепот капель в листве и бойкую чечетку, которую они

отбивали на крышах и трубах.

Пакость вел его по той аллейке, которая вчера, после первой встречи с Немо, манила его вглубь «Еца». Теперь она была для него не такой безликой и никуда не ведущей. С нее начинался путь в столовую.

Они миновали пустой, забитый наглухо корпус, на который его спутник очень долго и напряженно пялился с таким лицом, что у Кита отпало всякое желание язвить на эту тему и спрашивать, что он хочет там увидеть. Даже сосны молчали, а кусты барбариса вдоль аллеек шелестели мокрыми листьями, как живые существа.

Поворот, по которому они вчера ходили обедать, остался позади. Пакость продолжал идти прямо по дороге, никуда не сворачивая и не оборачиваясь на Кита. Джинсы на нем уже были мокрые и до колена заляпаны грязью. Холодная сырость противно щекотала легкие на каждом вдохе.

С этого места начиналась незнакомая Киту часть лагеря. Справа выплыл из дождевой пелены еще один корпус, над которым время особенно жестоко поглумилось. В пустые глазницы оконных рам лились серые струи, шифер на крыше частично раскрошился и осыпался, потрескавшаяся дверь с тяжелым замком вросла в косяк и едва ли помнила, как открываться. Напротив корпуса темнела беседка с дырявой крышей. Кит мимоходом подумал, что, даже будь она цела, он бы не рискнул заглянуть в ее негостеприимное черное нутро. Здесь самые простые вещи и здания имели свою

ни на что не похожую ауру, свой характер. Странное место.

Дальше аллея сворачивала вправо, ведя в сторону центральных ворот, а впереди темнел мертвый, в дождливом шепоте сосновый лес. И только сейчас промокший и замерзший Кит понял, что не знает, куда его ведут. Машина с продуктами наверняка должна была приехать по главной трассе и подкатить к воротам. Так с чего Пакость не свернул на нужную аллею сразу, тем путем, каким шел вчера сюда Кит, а поперся накидывать круг почета вокруг всего лагеря?

Раздраженный этим внезапным озарением, Кит остановился посреди дороги, прожигая взглядом сутулую спину своего единственного недруга.

– Эй!

Дождь заглушил его слова, и пришлось кричать снова, чтобы Пакость таки услышал.

Тот обернулся, хмурый и нахохлившийся, снова похожий на хищную тощую птицу. Если это и был какой-то тупой розыгрыш, то сам Пакость уже пожалел, что взялся за него.

– Ты чего встал? – донес до Кита дождь насмешливый голос. – Ноги промочил? Уже домой захотелось?

– Ты куда идешь? Ворота – там.

Пакость фыркнул, а может, Киту и послышалось. Дождь все усиливался, мелодия ускорялась, и капли били по плечам и голове почти болезненно. Длинная фигура качнулась и начала отдаляться. Прямоком через лужи и грязь парень взял чуть вправо и направился в сторону длинных одноэтажных

домиков из красного кирпича, предназначенных для вожатых и персонала. От асфальта там остались только весьма туманные намеки. Ноги Пакости месили грязь, но двигался он вполне целенаправленно.

Когда они обогнули самое крайнее строение, сомнения Кита сами собой утратили смысл. Домики загораживали просторный задний двор с пустыми гаражами и открытыми воротами, от которых тянулась лесная дорога. Сосны были ее надежными защитниками. Если на любой клумбе лагеря сейчас можно было увязнуть, как в трясине, то она благодаря прикрывающим ее деревьям еще не успела раскиснуть и была вполне пригодна для езды.

– И где машина? – спросил раздраженно мокрый и грязный Кит, запоздало понимая, как глупо звучит этот вопрос.

– Ждем. Приедет.

Тут, на открытом пространстве, ливень казался совсем безумным. Капли колотили землю с таким жаром, словно давно держали на нее обиду. Воздух гудел от шелеста и стука. Дождь был холодный, и Кит обернулся, ища временное укрытие. Не хватало еще слечь с воспалением легких после такой вот прогулки. Крыша одного из гаражей чуть выступала вперед, и он не стал этим пренебрегать. Первый шаг в сторону хоть какого-то укрытия, и ноги его предательски заскользили по жидкой грязи. Он неловко махнул руками, удерживая равновесие, и через миг картинка перевернулась, и он увидел над собой небо.

– Под ноги надо смотреть... – хмыкнул где-то рядом Пакость, невольно напоминая Киту предупреждение Спящей.

«Это что? Последствия вчерашнего? Снова?»

В водянистых глазах непонятого цвета мелькнул такой триумф, что можно было не сомневаться. Кит поднялся одним резким движением, рискуя навернуться в лужу опять, и раздраженно попытался отряхнуться. Если бы его гнев по-настоящему мог влиять на температуру тела, то дождевики бы испарялись, не достигая его. Как ему хотелось схватить этого мерзкого типа за воротник его чертовой рубашки и проредить зубы... Но сорваться сейчас означало бы полностью признать эту его способность. А делать это Кит с совершенно идиотским упрямством не собирался.

Дождь шумел, а машина все не показывалась.

Трижды пожалев, что поперся вместе с Пакостью в такую погоду, Кит пнул камушек, и тот со стуком пролетел по уцелевшему кое-где асфальту и ударился в дверь гаража. Пакость, выглядывавший автомобиль, вздрогнул, словно камень врезался в него, и уставился на гаражную дверь. Уставился с таким удивлением и испугом, что Кит даже комментировать не стал. Опять.

«У них таки обострение на дождь. Коллективное».

Фыркнув от такой реакции, Кит подцепил ногой новый камень и пустил в полет. Короткий стук – и дверь загудела.

– Прекрати! – рявкнул Пакость, поняв, кто является источником шума. С чего он так завелся, было совершен-

но непонятно. Напряжение, сковавшее длинную фигуру, и дрогнувший голос должны были насторожить, но Кит уж слишком был зол за свой полет в лужу.

Он повел плечом и подкатил к себе новый камень.

– Прекрати! – прошипел Пакость, делая шаг к нему, потом еще один. Жилистые руки были напряжены, костлявые кулаки сжаты. – Я сейчас тобой постучу! – выплюнул он и тут же запнулся, словно сам испугался своих слов.

Странное поведение даже поумерило пыл Кита. К его изумлению, он увидел, как Пакость прикрыл глаза и задержал дыхание, а потом медленно-медленно вытолкнул из груди воздух. Он понял, что это было. Пакость только что удержался от очередного сглаза.

Свет фар ненового серого «опеля», почти слившегося с унылым дождевым пейзажем, не дал прозвучать возможным вопросам.

Дождь шумел и шумел, без конца и края. Пакость переговаривался с водителем, которого Кит не мог видеть со своего места, диктовал ему нужные продукты и вернулся с парой тяжелых пакетов. Больше они не сказали друг другу ни слова, и всю дорогу в столовую Кит силился понять, что же творится в этом непонятном пугающем месте.

Глава 11

Совет племени

«Ты слышал?»

Это была уже не песня капель, а истерические всхлипы уставшего лить слезы неба. Оно более-менее угомонилось только после обеда, как раз когда она возвращалась из столовой, где следила, чтобы отогревавшиеся и сохнувшие добытки не поубивали друг друга. В этот раз как-то обошлось. Кит и Пакость просто друг друга игнорировали.

Спящая медленно опустила крышку ноутбука и оставила его на тумбочку. «Ец» обладал какой-то особой аурой, не дававшей ни на чем сосредоточиться. Все ее подработки шли тяжело, а слабенький мобильный интернет, с кряхтением грузивший страницы сайтов, совсем не способствовал сохранению рабочего настроения.

Одеяло, которого касался ноутбук, было еще теплым. Спящая завернулась в него поплотней и с удовольствием распрямила уставшие ноги. Сонная погода только усиливала ее слабость, и прогулка в столовую и обратно с последующим шатанием по комнате стоила ей головокружения и ощущения полной разбитости.

Нужно было поговорить с Немо и поделиться новостями, но отправляться на ее поиски не осталось ни сил, ни желания. Вряд ли Немо читала в холодной библиотеке, может, сидела с книгой в столовой, у газовой плиты.

Не придумав себе никакого другого занятия, чтобы скрасить ожидание, Спящая вытянула из сумки под кроватью свое красочное сокровище, приятно оттягивающее слабые руки. Подарочное издание «1000 лучших мест мира»: фотографии всевозможных живописных уголков – от первой до последней страницы. Оно было создано для того, чтобы служить дорогим подарком ко дню рождения, который, перелистав, поставят на полку и забудут. Но у Спящей этой книге не было суждено покрыться пылью. С момента покупки прошло несколько лет, а она практически с нею не расставалась. Из-за постоянного использования яркая блестящая суперобложка кое-где вытерлась, а края обтрепались, и даже узкие полоски скотча, приклеенные для пущей сохранности, уже потускнели. Маленький персональный ключик от двери, скрывающей необъятный удивительный мир.

Устроившись удобней и пихнув под голову маленькую, самостоятельно вышитую подушку, Спящая откинулась на спину и открыла книгу наугад. В этот раз выпала Исландия. Холодные и сочные фото красот национального парка Скафатафетль благодаря качественной печати были и правда словно окошками в другую точку мира. Руку протяни – и кончики пальцев облизнет холод ледника, обрызгают капли водо-

пада, пощекочут листья берез. От одних только мыслей по коже побежали приятные мурашки предвкушения.

И Спящая протянула руку. Только прежде закрыла глаза и расслабилась, чувствуя, как уже привычно и вовсе не страшно теряют остроту слух и обоняние, а кожа почти не чувствует ни шерстяного одеяла, ни гладкой простыни. Всего семь секунд полной тишины, тихо отсчитанных про себя. Шум дождя затих и тут же обрушился на нее с новой силой, отчего она зажмурилась и медленно подняла ресницы. Это был не дождь. Перед ней во всей своей красе пенился среди черных базальтовых ребристых колонн водопад Свартифосс. Срываясь с уступа высоко над ее головой, пенный поток с ревом вливался в каменистую чашу, украшенную по бокам сочной, хоть и редкой зеленью. Стояла она или просто парила в воздухе перед ним – Спящая точно сказать не могла. Как и всегда. И неважно, лежала она или сидела до этого. Стоило открыть глаза, и она оказывалась в вертикальном положении, вся вытянутая в струнку. Слабо, как сквозь какой-то защитный кокон, она чувствовала, как мелкая водная пыль касается ее волос и лица, а тело в одном тонком пестром платье окутывает какой-то незнакомый сухой холод, лишенный уже почти привычной пробирающей до костей сырости. Привыкнув к состоянию «призрака», как она сама это называла, Спящая откинула голову и посмотрела на незнакомое небо, сейчас чистое, яркое, умытое. Вроде бы точно такое же, как и над «Ецем» в хорошую погоду, но вызывающее

совершенно другие ощущения. Исландия. Далекий край мира, в который ей никогда не добраться. Спящей захотелось взлететь и нырнуть в эту ослепительную синеву, как в озеро. Но тело ее даже в таком состоянии не было способно на это.

К сожалению, путешествие не могло продолжаться так долго, как бы ей хотелось. Может, когда-нибудь она будет спокойно плыть по улицам далеких городов, незримой и бес-телесной, проводя так ночи напролет. Но пока еще рано. Она подалась назад, возвращаясь из живописного уголка обратно, в холодную комнату с облупленными стенами и паучком в углу, с которым уже успела познакомиться. Назад, шаг за шагом, хотя ноги не двигались и ступни ничего не чувствовали. Возвращение всегда проходило намного сложнее. Воздушное и невесомое тело, если это можно было назвать телом, скукоживалось, сжималось, влезая обратно в жесткую тесную оболочку из кожи, мяса и костей. Снова холод комнаты, всхлипы дождя... Спящая боялась пошевелиться первые минуты две. Ей казалось, что кожа натянута как на барабане и лопнет, выпуская наружу то, что с трудом в нее втиснулось. Она избегала думать об этом как о душе. Какое-то другое тело. Какая-то проекция. Которая вылетает, как шелковый шарфик из тесной упаковки, как джинн из бутылки, и очень не желает лезть обратно. И каждый раз невольно возникал вопрос: «А что будет, если я не смогу вернуться?»

Спящая вытерла с лица несуществующую влагу исландского водопада и на пробу поднялась, борясь с новым при-

ступом головокружения. И толкнулась взглядом на Немо.

Сколько та стояла в дверях в нерешительности, трудно было понять. Минуту или две, скорее всего. Вполне достаточно, чтобы понять, что застывшая в странной позе хозяйка комнаты переживает что-то необычное. Спящая подавила досадливый вздох. Она хотела бы оттянуть время и как можно дольше не рассказывать о своей силе. Просто так. Просто потому, что это сложно сделать.

Немо молчала, смотря на нее с удивлением и почти виновато. На ней было вдвое меньше пыли, чем обычно. Может, уже вытерлась и осыпалась сама, а может, гостья наконец вынырнула из книжного мира и обратила внимание на свой внешний вид. Темные густые волосы все никак не желали просыхать, но зато не топорщились как обычно. Густая неровная челка тяжелой темной завесой закрывала лоб до самых ресниц.

– Разбудила? – неуверенно поинтересовалась Немо, прижимая локтем к телу все тот же томик Жюль Верна. Неумелая, но щедрая попытка дать хозяйке комнаты возможность оставить свои тайны при себе.

– Нет.

Уж слишком глупо было теперь отступить. Спящая не без усилия сняла книгу с колен и отложила в сторону, не захлопывая. Так тяжело было начать объяснения. Пусть здесь у каждого особенности, но все они казались ей вполне реальными и серьезными, а своя же глупой и надуманной.

– Это был не сон... Это... другое.

Вопрос в тусклых зеленых глазах Немо стал более настойчивым. Повинуясь жесту Спящей, она подошла ближе и села на одну из свободных кроватей, строго держа дистанцию. Во взгляде ее медленно зрело понимание.

– Пакость не просто так назвал тебя Спящей?

– Просто так, но в чем-то он попал в десятку. – Неловкая улыбка никак не смогла скрыть ее напряжение. Спящая подумала, что бы сказали ее родители, если бы она рассказала им о своем умении. Наверное, грустно поулыбались и покивали. И не поверили. Списали бы на то, что их больная слабая дочка с богатой фантазией так пытается спастись от заточения в четырех стенах. Люди обладают удивительным талантом придумывать убедительные и простые объяснения необычным вещам, когда не хотят в них верить.

Она снова смущенно улыбнулась, спустила одеяло с плеч и обернула вокруг ног. Чтобы оттянуть признание. Скрывать как-то нечестно. Как-то неправильно. Собственная сила показалась Спящей и правда детской выдумкой, которую она сочинила, поняв, что вряд ли сможет когда-то мотаться по миру с рюкзаком за плечами. И она заговорила, разглаживая ладонями одеяло и пряча взгляд. Торопливо и нервно.

– Если бы я выбирала себе прозвище, я бы назвалась Страницей. Пафосно, наверное, да? Но мне нравится... Когда-то у меня и ник был такой на одном форуме. Неважно... Я не знаю, как называется то, что у меня есть. Когда я смотрю

на какое-то фото, я могу при желании переместиться туда.

Немо недоверчиво и одновременно с этим впечатленно цокнула языком.

– Нет, не физически, а как-то... как это называется? Астрально? Хотя, может, это все мои выдумки.

– Ты тут, с нами. Разве это не доказательство? – тихо возразила гостья, глядя на нее из-под челки с плохо скрываемым восхищением. – Ты во сне перемещаешься?

– Не совсем. Это сложно назвать сном. Ты прости, я совершенно не владею всеми такими терминами...

– Это что-то вроде транса?

– Да, наверное... – Найденное определение заставило Спящую расслабиться и даже немного повеселеть. Теперь уже она смотрела на собеседницу с уважением. – Эзотерическая литература?

Немо наморщила нос, как всегда, когда сдерживала смешок.

– Фэнтези. Много фэнтези. Так что обращайся. – Она с новым интересом разглядывала самую загадочную из всех обитателей «Еца».

– Тебя видят люди, если ты куда-то перемещаешься? – продолжала расспрашивать она. – Или ты еще не пробовала?

– Кажется, нет. Наверное, я и правда невидима для них тогда. Я слышу и вижу все, что происходит, и даже слабо ощущаю ветер или камни под ногами. Но если я окликну кого-то, кто там будет, вряд ли он меня услышит...

– А исторические фото?

– Не выходит. Только относительно свежие и четкие.

– А ты переносишься во время, которое на них запечатлено? Или в то, которое сейчас?

Вопрос был неожиданный и непростой. Спящая задумчиво помолчала некоторое время, рассеянно заплетая русую прядь в мелкие косички. Все же рассказывать вот так, давая собеседнику то, что его правда интересовало, было гораздо легче. Она даже на свою силу взглянула под другим углом. Не как на абстрактную способность мотаться по миру, а на нечто конкретное, имеющее свои ограничения и особенности.

– Думаю, с какой-то временной погрешностью. Иначе бы я видела фотографа, делающего снимок. Иногда пейзаж немного отличается от того, что есть на фото. Но опять же, незначительно. Другие вывески магазинов, или деревья оказываются не с такой густой листвой, или уровень воды в реках меняется.

– А ты не пыталась исследовать этот вопрос? Искать календари и сравнивать даты? Или время?

Спящая растерянно заморгала и пристыженно натянула одеяло почти до подбородка. Она-то всегда использовала свою силу ради собственного развлечения и никогда не подходила к этому так серьезно. А вот, видимо, зря...

– Я попробую. Спасибо за совет и...

Напряжение ее покинуло. Она поняла, что чувствовала

Немо, когда пришла к ней ночью, принеся с собой свои страхи.

– И за... доверие.

Пусть странности тут и стали уже нормой, все же очень непросто было раскрывать их перед другими. У них, похоже, получилось. Спящая, привыкшая держаться со всеми на уровне хороших знакомых, неожиданно порадовалась этой новой ниточке доверия с полужнакомой пока еще девушкой. Это могло стать началом дружбы. Почему бы и нет...

Немо медленно развела руками. Непонятно было, разделяет она ее мысли относительно дружбы или и вовсе не замечает ничего подобного.

– Ты веришь в то, что говоришь, – ответила она свойственным ей напряженным тоном. – А если тебя это убедит, то и те, кто приглашали нас сюда, тоже верили в свои слова. Кит зря волнуется. Они не врали нам и не замыслили дурного. Я знаю.

– Удобная сила, – мягко улыбнулась ей Спящая, но Немо в ответ мрачно покачала головой.

Только что возникшее взаимопонимание, такое удивительное для двух одиночеств, вот-вот должно было снова исчезнуть. Не зная, как исправить неуместную реплику и обойти болезную тему, Спящая подняла свое яркое сокровище в глянцевой обложке и протянула Немо, давая понять, что знает о ее любви к книгам.

Секундное напряжение, и Немо, растерянно улыбнув-

шись, приняла ее приглашение. На очень короткое мгновение Спящей показалось, что в комнате даже посветлело и мама Лиса одним глазком выглянула из-за туч. Руки с неровно обкусанными ногтями погладили острые углы и раскрыли том на первой странице.

– Дорогущее, наверное, – выдохнула Немо, проглядывая статьи о достопримечательностях разных стран и почти игнорируя красочные фото.

– Почти на четыре тысячи потянула. Копила с подработок, уж сильно мне хотелось что-то такое для моих «путешествий», – пояснила Спящая, наблюдая за восторгом гостыи с едва заметной улыбкой. – Я-то вряд ли где-то там побываю. Не с моим здоровьем.

Страница так и осталась неперевернутой. С жадностью скользящие по строчкам глаза Немо застыли, но смотреть на хозяйку комнаты она не стала, делая вид, что все еще читает. Спящая, привыкшая к самой разной реакции, терпеливо ждала. Чаще всего она слышала удивленно-недоверчивое «А ты что, больная?» или «А что с тобой?». Почему-то добрая половина встреченных ею людей считала, что если у нее на месте все конечности и она может ходить и говорить, то она просто избалованная лентяйка, которая сидит у родителей на шее. Спящая уже с этим смирилась. Каждому тыкать справку в нос не будешь.

– Что-то серьезное? – очень тихо уточнила Немо. – Я не могу это почувствовать... Я не умею.

– С кровью проблемы. Еще в десять лет выявили. – Особо в подробности Спящая не хотела вдаваться и только махнула ладонью, пытаясь придать своему тону беспечность. – Оттуда и астения и все прочее. Хочешь спросить, как меня сюда отпустили? Новый курс лечения еще не скоро, а всю жизнь торчать в квартире – не дело. Я нашла убедительные аргументы для родителей.

Она бодро подмигнула Немо, и та неловко улыбнулась в ответ, снова утыкаясь в книгу.

– А книга – потрясающая. Хотя текста маловато.

– Я же как маленький ребенок, – рассмеялась Спящая. – Мне главное – большие картинки.

– Попались! Вы мне и нужны. Обе! – Пакость, резко пахнувший дождем, буквально ввалился в комнату и остановился на пороге, глядя на девушек так, словно поймал их на месте преступления. Его неизменная рубашка и джинсы сейчас досыхали где-то в относительно теплом уголке корпуса, он поменял их на серую футболку и спортивные штаны. – Ничего не хотите мне рассказать?

Он бывал в ее спальне и раньше, но прежде всегда стучал и заходил после приглашения. Пару раз приносил приготовленную на кухне еду и спрашивал, ничего ли ей не надо. Пакость уже зарекомендовал себя в «Еще» как личность, мягко говоря, непростая, и такое отношение Спящей хоть и льстило, но и немного настораживало. Поэтому чаще всего их общение сводилось до ничего не значащего обмена несколькими-

ми приветливыми фразами строго по делу.

– Можно было и постучать... – немного растерянно заметила она, выпрямляясь на кровати.

На простую, казалось бы, фразу Пакость отчаянно потряс головой. Рука его рассеянно метнулась к карману, где лежали сигареты, потом коснулась губ, но вытягивать пачку он не стал.

– Да нет уж, я больше не стучу... Тут и без меня хватает. Он дошел до ближайшей кровати, стараясь при этом держаться подальше от Немо. Сунул костлявые кисти в карманы, нервно облизнул губы, но больше ничего не сказал, так и не став требовать ответ на свой вопрос. Что-то было не так. Совсем на него не похоже...

Холодок забытого ночного страха пополз по спине Спящей, и она нервно смяла край одеяла.

Немо неожиданно поежилась и, опустив книгу на колени, обхватила себя руками.

– Пакость, ты чего? – испуганно спросила она. – Ты боишься?

– Ничего я не боюсь, – огрызнулся тот. – А вот вы – боитесь. Лис сказал, что вы ночевали вместе...

Вот оно что! Спящая шумно выдохнула, и они с Немо обменялись напряженными взглядами. Рыжий художник частенько заглядывал к ней вечером. Самый странный из них обладал каким-то совершенно детским очарованием и неумной фантазией. Впервые он пришел к ней еще в один

из первых дней, просто чтобы познакомиться, и в первый же вечер, обрадованный угощением – простенькой карамелькой, заваливавшейся в сумке, – негромко спросил:

– А ты знаешь, куда пропадают воздушные шарики, когда лопаются?

– Не знаю, – честно призналась Спящая тогда, и мальчишка принялся рассказывать ей о Стране Воздушных Шариков, куда они перемещались, лопнув на земле. По словам Лиса, он был там, когда еще жил с мамой среди туч.

Неудивительно, что Лис заглянул к ней среди ночи.

– А почему сразу испугались? – напряженно отозвалась Немо, не давая Спящей ничего сказать.

– Да чтобы ты с кем-то просто так в комнате находилась? – фыркнул Пакость. – Да и свет у тебя горел, мобильный валялся, одежда тоже. Видимо, спешила убраться...

Девушка нахмурилась, поняв, что недооценила собеседника. Соображал Пакость отлично, хоть и нечасто это демонстрировал.

– Я слышу ночью чье-то дыхание, – негромко начала Спящая, решив не дать этому ненужному спору продлиться. – И чувствую взгляд. Лис тоже говорил, что на него кто-то смотрит. Он, конечно, всегда что-то странное видит, но сейчас я ему верю. И Немо дыхание слышала. И шорохи разные...

– А стук? – напряженно спросил Пакость, вмиг перестав ухмыляться.

– Стук? – в один голос переспросили девушки, снова об-

менявшись взглядами. На этот раз испуганными. Холодок переполз в желудок Спящей и свернулся там противным тяжелым комком. Она посмотрела на свою постель, словно могла видеть надписи через матрас.

– Тук-тук-тук... – прошептала Немо, глядя на Пакость расширившимися глазами.

– Тук-тук-тук, – отозвалась вслед за ней Спящая, словно это был какой-то пароль.

На лице незваного гостя проступила пугающая бледность, заведя которую Немо вскочила.

– Ты слышал?! Ты слышал что-то подобное?

– Слышал, ага... – Хриплый голос Пакости дрогнул. – Сегодня. Рано утром. И я точно знаю, что это не был ни один из вас. Там вообще никого не могло быть.

Он пересказал им утреннее происшествие максимально сжато и сухо, но сам тон и подрагивающий голос пугали не меньше самого рассказа. Пакость боялся. Пакость. Тот самый, который излазил в одиночку всю территорию лагеря и прилегающий лес. Спящей очень захотелось нырнуть под одеяло с головой и заткнуть уши. Пакость совсем не походил на того, кого легко напугать. Это не они, девчонки, которые от упавшего крема чуть крик не подняли.

– Если б мне так стучали, у меня бы инфаркт случился, – выдохнула она, так же, как и Немо, обнимая себя за плечи. – Ну ты даешь...

– А что мне делать нужно было? Орать и всех будить? –

фыркнул Пакость. – Вы-то откуда знаете?

– Надписи! – Спящая ударила пяткой по матрасу и торопливо потянула его на себя, обнажая испещренное каракулями дно кровати. – Мы с Немо вчера нашли. А сегодня я посмотрела на других кроватях. И там тоже есть про это «тук-тук-тук».

Выдав наконец то, что собиралась рассказать Немо, она отодвинулась на край, чтобы Пакость смог убедиться в правдивости ее слов. Нужные надписи, едва заметные среди прочих, более информативных, но менее ценных, днем смотрелись не страшнее слов на заборах. Однако от рассказа Пакости сразу представился этот короткий сухой стук, разлетающийся по пустому спящему корпусу.

– Осторожно, значит... – мрачно выдохнул их соратник по несчастью, с откровенной опаской и враждебностью разглядывая корявые четкие надписи. – Осторожно... А на других что?

– То же самое, по сути. Вроде «Уезжайте. Тук-тук-тук», «Бойтесь. Тук-тук-тук». – Голос неожиданно сел, и Спящая замолчала.

Налетевший ветер поскребся в старую раму, и все трое вздрогнули.

– Значит... – Немо выпрямилась на кровати застывшая, напряженная, с полуопущенными веками. – Те, кто жил тут раньше, уже с этим сталкивались. С этим... стуком. Наверное, нам не следует бояться... Наверное.

– Тут лет десять минимум никого не было, – непонятно с чего сообщил Пакость и раздраженно тряхнул головой. – Ну чего вылупились? Вас не напрягает, что время прошло, а ничего не поменялось? До сих пор кто-то стучит...

Немо раздраженно фыркнула. Точь-в-точь как он.

– Нас сам факт существования напрягает. Стуков, и дыхания, и всех этих шорохов... – Голос ее снова непроизвольно упал до шепота. – Это призрак чей-то или...

– Какой к чертям призрак? Ты опять какой-то фигни перечитала?!

– Ну а что это еще может быть, умник?!

Оба взвинченные, раздраженные и напуганные (Пакость – сам по себе, Немо – явно хватанув чужого), обменялись хмурыми взглядами, замерев как раз перед кроватью Спящей, словно боксеры на ринге. Для полного счастья не хватало только конфликтов между потенциальными друзьями, и она поспешила вмешаться.

– Давайте все успокоимся и решим, что делать! – Попытка взять Немо за руку провалилась, но, отшатнувшись, девушка отвлеклась от Пакости, и накал немного поутих. – Давайте не будем ссориться. Может, это просто наше воображение? Здание старое, сквозняки, подмытый фундамент, трубы... Немо, ты наверняка о таком читала...

– Читала, – процедила сквозь зубы Немо, прижавшись спиной к холодной стене и бросая на Пакость раздраженные взгляды. То ли сама сердилась, то ли полученный заряд ни-

как не мог выветриться. – Только там другое. Если бы у нас просто окна и двери хлопали – можно было бы списать на сквозняки. Но дыхание, а тем более такой вот стук...

– Ладно, ладно, может, я и не права. – Спящая торопливо переключила внимание гостей на другое, не желая провоцировать новую ссору. – Но нам надо решить, что делать дальше. Давайте пособираем информацию, а? Я постараюсь что-нибудь полезное науглеть, а вы в других комнатах посмотрите надписи. Может, удастся найти что-то полезное. Как вам такая идея?

Помолчав несколько секунд, Немо устало опустила в знак согласия голову. Пакость, успокоившийся вместе с ней, почти виновато улыбнулся Спящей, как бы извиняясь за свой страх.

– Не верю, что это что-то даст, но все равно мне делать нечего. Ты как, Книжный Червь? Мир?

Немо улыбнулась ему напряженной, но все же своей, а не скопированной улыбкой. Ссора увяла на корню, и Спящая тихонечко выдохнула. Когда страшно и непросто, лучше всего держаться вместе. Тем более когда это не так уж сложно сделать.

– Ты меня не сглазил, – протянула задумчиво Немо, все еще улыбаясь. – Значит, таки мир. А то я бы обиделась. Будем искать. Нам и правда другого не остается...

Никто из них не знал, да и не мог знать, что всего в паре шагов, в коридоре у двери, замер привлеченный голосами

Кит, как раз тащивший кое-как отстиранные после полета в лужу джинсы. Звукоизоляции тут не было и в помине. Он мог слышать каждое сказанное слово, если не каждый вздох.

Кит поежился и торопливо пошел в свою комнату. Мелкие капельки срывались с джинсов и отмечали его путь на серых плитках пола.

Глава 12

Лицом к лицу

«В реальности такого не бывает»

Искать что-либо о неизвестном «стукаче», когда за окном лишь непроглядная тьма и шепчущий дождь, было выше ее сил. Поэтому все поиски Немо перенесла на дневное время. Вечер же и последующая за ним ночь и так доставили хлопот.

Непривычная к какой-либо компании, в нынешней ситуации она была вынуждена много времени проводить со Спящей. После рассказов Пакости даже идти в душ поодиночке было страшно, не говоря уже о ночевке в разных комнатах.

Напряжение и дурное предчувствие настолько заполонили жилой этаж, что сложно было сказать, от кого что исходит. Почти осязаемая вязкая давящая ледяная масса разлилась по воздуху, проникнув в каждую щель.

Спящая боялась. Ее страх был сильнее, чем страх самой Немо. На второй день она уже почти с легкостью отличала его от своего. Страх Спящей сковывал, перебивал дыхание, перетекал в настоящую панику, стоило хоть немного ослабить над собой контроль. Это был страх человека, который

впервые в жизни столкнулся с чем-то необъяснимым. В этот раз они легли на разных кроватях, но страх Спящей был слишком стойким и долго не рассеивался, как бы Немо ни старалась от него оградиться.

Боялся Пакость: с ним девушки столкнулись, когда вместе вышли из душевой. Там, в той сырой полутемной комнате так сильно пахло затянувшимся дождем, что Немо подсознательно ожидала, что из трубы на нее польется холодная дождевая вода. Страх Пакости был колючим и в то же время задавленным.

Боялся и Кит, которого Немо мельком видела в коридоре. Знал ли он об утренних приключениях Пакости, она сказать не могла, но у новенького тоже были причины бояться приближения ночи. Его страх был необычным. Больше похожим на простую настороженность, но такую сильную, что от полученного напряжения у Немо разболелась голова.

Лис не показывался, и то, что слабо пробивалось через стену его комнаты, на страх совсем не походило. В спальне Лиса допоздна горел свет и доносилось едва слышное сосредоточенное шуршание.

«Никогда не буду смеяться над людьми в ужасниках, – пообещала себе Немо, когда они со Спящей наконец улеглись и решились потушить свет. – Они там все же намного смелее, хоть и орут как резаные и лезут всегда в самое пекло. Ну вот, по сути, что страшного произошло? Да ничего. Просто разные странные звуки, которые при желании можно заглу-

шить музыкой...»

А ночью их разбудил стук. Четкий, сухой, требовательный, он донесся сначала из пустой комнаты слева, потом повторился где-то сверху, потом переместился на другую стену. Какая там музыка... Они сидели на кроватях, спрятавшись под одеялами, и напряженно вслушивались в зловещую тишину. Долгая пауза, в которую их собственное дыхание казалось оглушающим, и вкрадчивый короткий стук. Дождь за окном превратился в тихое, кровожадное шипение.

Когда стук повторился со стороны окна и старое стекло загудело под тремя слабыми ударами, Спящая кубарем скатилась с кровати и нырнула под одеяло Немо, намертво вцепившись в ее руку.

– Оно близко... – прошептала она дрожащим голосом.

– Тихо, тихо, – торопливо успокоила ее Немо. – Просто стук, просто стук...

«Ветка», – хотела сказать она, но поняла, что ближайшее дерево находится в метрах десяти от окна.

Они просидели так несколько часов, боясь шевельнуться, что там уже говорить о том, чтобы включить свет. Когда чернота за окном начала выцветать, сменяясь туманной серостью, Немо услышала то, от чего мурашки по спине забегали с новой силой.

– Слышишь? – хрипло спросила она у Спящей.

– Лучше б не...

Может, это все был лишь дождь да их воображение, но

откуда-то из-за двери они услышали что-то похожее то ли на невнятное бормотание, то ли на пение.

Они заснули, только когда совсем рассвело.

– Так я еще легко отделался, да? – мрачно спросил Пакость, распахивая дверь в последнюю из пустых комнат на этаже.

Время было послеобеденное. Обитатели корпуса, кроме него и Немо, ушли в столовую, а они обходили спальню за спальней, разглядывая каждую кровать. Пока поиски результата не принесли.

– Знаешь, если бы я с тем стуком не столкнулся – я б не поверил.

– Знаю. Я бы сама не поверила.

– А точно не кто-то из наших?

– Точно. – Немо поежилась и, обойдя Пакость, склонилась над первой кроватью, пробегая глазами по надписям. – Голос такой... Непонятно, слышишь ты его или не слышишь. И звучащий как... Как из-под потолка.

Она была бледнее обычного, с темными кругами под воспаленными глазами, и соображала с трудом. Из-за почти бессонной ночи даже ощущение страха как-то притупилось. Желание развернуть первый попавшийся матрас и завалиться спать боролось в ней с желанием все время находиться рядом с кем-то.

– Чертовщина, – пробормотал Пакость, передернувшись. Словно забыв о цели их визита, он взгромоздился на гряз-

ный холодный подоконник, измазывая только вчера высохшие джинсы. Немо, которая мучилась ощущением, что они точно делают что-то не то, спокойно уселась рядом с ним. Правда, на расстоянии вытянутой руки.

– Спящая и так слабая, а сегодня вон еле ходит... – выдохнул Пакость, нашаривая в кармане пачку, но, увидев, как поморщилась Немо, руку тут же убрал.

– У тебя ночью было тихо?

– Тихо. – Он побарабанил пальцами по подоконнику и заерзал, ставя ноги на холодную поржавевшую батарею. – Может, мне сегодня с вами в комнате лечь? Или ты против?

– Я – нет. Странно, наверное, звучит, но я не против, если будет больше людей. – Немо вздохнула, понимая, что при этом наглотается чужих страхов, но от слов своих не отступила. – Вдвоем нам уже беспокойно. Можно и Лиса пригласить.

– Лис не боится.

Тон Пакости стал настолько непонятным, что даже Немо не могла точно определить, это пугает его, удивляет, восхищает или вызывает зависть. Наверное, все одновременно. Она не стала искать объяснения поведению младшего из них.

– Тем лучше. Может, и я так не буду бояться.

– О как! – Только что напряженный, Пакость заулыбался и хитро покосился на Немо.

Даже в слабом сером дневном свете, лившемся из окна, его невнятно-пепельные короткие пряди отливали серебром,

и, приглядевшись внимательней, Немо разглядела у него на макушке и на висках проблески ранней седины. Он сразу вспомнил ей Холдена Колфилда.

– Чего пялишься? – Пакость нервно потер висок, на который она уставилась.

– А чего ты скалишься?

– Если так дальше пойдет, то мы из тебя человека сделаем. Перестанешь от людей шараться. Все на пользу, а?

– Не разделяю твоего оптимизма. – Немо моментально помрачнела, скрещивая руки на груди. Странно, но Пакость это только раззадорило. Водянистые глаза неопределенного цвета внимательно разглядывали лицо Немо, заставляя ее почувствовать себя под микроскопом.

– Тебе ж еще надо как-то учиться, работать... Ты ведь учишься где-то?

Немо хмуро кивнула.

– И вот так вот шарахаешься от всех? Хорошо ж тебе живется... Может, тебе как-то учиться терпеть людей рядом? Закрываться там или еще что-то... Я же не знаю, как у тебя все работает.

– Оно неоднородно, – пробормотала Немо, поняв, что просто так тему не сменит.

И раньше ей доводилось замечать у Пакости это стремление помогать другим, хотя в то же время он постоянно подчеркнуто демонстрировал им, что ему плевать на всех. Именно это желание зажигало в его блеклых глазах какой-то

особенный глубинный огонек. Правда, с неменьшим энтузиазмом он придирался, цеплялся и грубил.

– Тебе тренироваться надо! – гнул свое собеседник, которого уже слабо заботило, слушают его или нет. – Не хочешь со мной, вон с тем же Лисом. От него точно ничего плохого не поймает.

– Как тренироваться? – убито спросила Немо. – Лис не вариант, он слишком... радостный. От него эмоциями прямо пышет.

– Терпи. Понемногу к нему приближайся, закрывайся... Ну а с кем еще ты вот так потренируешься и где?! Пользуйся случаем, пока мы в этой глуши торчим. Я-то учусь.

Она снова нахмурилась, принимая его правоту. Ее бледная тень на грязном полу зашевелилась, когда Немо соскользнула с подоконника, отряхиваясь.

– Ну? Согласна?

– Подойди еще на пару шагов, и я соглашусь со всем, что ты скажешь, – вздохнула Немо, по-прежнему глядя перед собой. – Я практически стану тобой. В этом-то и проблема...

Серое небо, неожиданно очень тонко отразив ее настроение, затянулось тяжелыми тучами, добавив мрачному пейзажу темных красок. Мама Лиса совсем забыла о них, покусившись даже на один золотой лучик.

– Может, еще внизу пошатаемся? – нарушил молчание Пакошь. – Соседнее крыло у нас на втором намертво закрыто, дверь не выломаешь. А вот на первом этаже все нарас-

пашку. Идем?

Немо хмуро пожала плечами.

– Пошли, Скалли. – Пакость сделал движение, словно собирался схватить ее за руку, но опомнился в последний момент и просто поманил за собой. – Должно же тут хоть что-то быть... Можно еще в комнату нашего Дика-Кита завалиться, там мы не проверяли.

– Пакость, не наглей, а?

– Останови меня!

На лестнице они столкнулись с остальными. Дождь временно приутих, и Лис, Кит и Спящая успели добраться обратно в корпус, заляпавшись до колен, но зато не промокнув.

– Успешно? – первым делом спросила Спящая, ладонью вытирая запачканные голени.

Волосы ее от влаги потемнели и мелко вились, свою малиновую шаль она обернула вокруг шеи, как широкий шарф, укрыв и плечи. Стоящий рядом Лис стал еще лохматей, и на футболке его россыпью веснушек застыли капельки грязи. Только Кит умудрился преодолеть путь без особенного ущерба.

– Мы ищем, – ответил ей Пакость, настроение которого сразу заметно улучшилось. – Не так-то это и легко.

– И чего ищете? – вмешался Кит, подойдя ближе.

Смотрел он при этом не на Пакость и не на Спящую, а на Немо.

– Да тут чепуха какая-то творится, – легко ответила она. –

Хотим посмотреть, может, кто-то из бывших обитателей записи оставил. Пойдешь с нами?

Кит бросил короткий взгляд на оскалившегося Пакость и коротко покачал головой.

– Нет. – Он посмотрел в глаза своему главному и единственному недругу. – Я ничего странного не замечал. Если что – сообщите.

«Врет». Немо очень отчетливо ощутила, как Кит сделал над собой явное усилие, изображая эту беспечность. Он откровенно провоцировал Пакость, и тот моментально проглотил наживку.

– Значит, плохо смотрел! Иди, куда шел, и если заметишь – на помощь не зови! – моментально вспыхнул тот, оцетиваясь.

Немо торопливо попятилась, увеличивая дистанцию, и глазами поискала Лиса. Рыжий, еще минуту назад стоявший рядом, притихший и грустный, уже куда-то испарился.

– Не надо! – Спящая моментально оказалась между парнями, поднимая руки. – Не надо ссориться. Это все погода, всем надоело сидеть в четырех стенах. Давайте не будем усложнять ситуацию.

– Да больно надо, – пожал плечами Кит и, сунув руки в карманы, двинулся по лестнице дальше, по дороге едва задев недруга локтем.

Дернувшийся следом Пакость был остановлен Спящей, которая судорожно вцепилась в его рубашку. Немо, хоть и

отошла на приличное расстояние, почти почувствовала, как гаснет гнев Пакости от касания прохладных мягких ладоней.

– Не надо, – напряженно повторила Спящая, медленно разжимая хватку.

Больше Немо не стала наблюдать за ними. Странная неясная горечь, возникшая в душе, окончательно испортила и без того отвратительное настроение. Книжный Червь развернулась и поспешно нырнула в черную нору коридора. Пакость нагнал ее только через полминуты. Совершенно счастливый.

– Куда намылилась? Опять в библиотеку? А искать?

– Тебя жду, – честно созналась Немо, остановившись у самой двери своего убежища, но так и не открыв ее. – В игровой и библиотеке точно ничего полезного нет. Можно сразу по комнатам.

– Опять исписанные кровати. – Пакость пинком открыл первую попавшуюся дверь. Она с треском поддалась, прочертив на полу широкую полосу, и застряла, образовав тридцатисантиметровую щель.

Спертый, пропитанный пылью воздух ударил в нос, заставив расчихаться. Фыркая и отплеываясь, Пакость сунул голову в щель и вздохнул.

– Тут и мебели почти нет. Две раздолбанные кровати и развалины тумбочки. Хочешь – лезь. Ты мелкая.

Немо протиснулась в щель. Комната, в которую она попала, показалась ей меньше той, в которой жила она. Встроенный в стену шкаф зиял пустыми полками, дверцы были

вырваны с мясом. Две кровати стояли в самом центре так, словно их собирались куда-то перетащить, но потом бросили в последний момент. Матрасов на них не было, твердое дно оказалось девственно-чистым. Ни надписей, ни рисунков, ничего.

– Нет бы кто дневник какой-то оставил или еще что-нибудь... – проворчал Пакость, когда она, обшарив остатки тумбочки, снова выбралась наружу.

На ее футболке и джинсах снова осела пыль, но отряхиваться тщательно Немо не стала.

– Знаешь, как в фильмах бывает? Хотя зашифрованное уже что-то... Лучше уж шифры разгадывать, чем вот так попусту болтаться.

– Мы не в фильме, – коротко ответила Немо. – И не в книге. В реальности такого не бывает. Все скучнее и прозаичней. К сожалению.

– Ага, особенно как стемнеет. Вы вон всю ночь скучали.

Пакость развернулся, толкнул следующую дверь, потом еще одну за ней. Темный коридор наполнился серым светом, нарушив так любимую Немо таинственность этой части корпуса.

Дальше, за двумя пустыми спальнями, находилась комната, похожая на игровую. В центре ее стоял длинный стол, по бокам которого расположились две высокие скамьи. На полке огромного открытого шкафа, который занимал всю стену, остались свидетели прошлого – вырезанный из дерева гра-

фитовый от пыли орел с раскинутыми крыльями, пожелтевший скрюченный от возраста петух из цветной бумаги и лоскутный мутант с глазами-пуговицами. К какому виду принадлежал последний, Немо сказать точно не могла.

– Понятно, – резюмировал Пакость, потыкав пальцем в когтистую лапу орла. – Кружок «Умелые руки». Тут уж точно ничего не будет...

Он бегло просмотрел полки, заглянул в нижние отделы, прятавшиеся за скрипучими грязными дверцами, и покачал головой. Немо, не удержавшись, подтянула к себе мутанта. Сшитый из черной ткани с мелкими фиолетовыми цветами, он сиял розовым грязным брюхом, сделанным из овального лоскута, и смотрел на нее крупными бельмами глаз из искусственного перламутра. Когда она взяла игрушку в руки, у нее обнаружился длинный кривой хвост из синей с белыми полосками ткани. Видимо, этот невнятный медведь задумывался как кот. Ну или обезьяна.

– И зачем он тебе? – поморщился Пакость. – И без этого уroda жутко же.

Немо молча прижала находку к груди, еще больше вымазав темную футболку. Страсть к странным игрушкам была у нее с детства. Сколько себя помнила, она всегда выбирала себе самых старых, самых страшных кукол, зайцев, медведей, считая, что им грустно и одиноко, ведь их никто не покупает.

– Мягкие игрушки – лучшие защитники от кошмаров, –

отштутилась она, не желая изменять детской привычке.

– Ну-ну. – Пакость критически посмотрел на тряпичного уродца, и в который раз за день поежился. – Если он тебя ночью сожрет – не зови на помощь.

– Если он меня сожрет – тут появится еще один призрак.

– Тут и первого нет, хватит уже. – Он вышел из комнаты, не дожидаясь ее. – А что там в самом конце за дверь?

– Туалет, наверное. Что еще там может быть? Я не проверяла.

Пакость это не остановило. Длинная сутулая фигура стремительно пересекла пятна света и с присущей ей грубостью толкнула узкую, условно белую дверь.

– Самое подходящее место для поиска информации, – прокомментировала Немо, догоняя парня и пытаясь заглянуть ему через плечо.

Ей было видно кусок голубой стены, грязное окно да верхний угол одной из кабинок.

– Хоть какая-то оригинальность... – огрызнулся Пакость, переступая низкий порог. На его клетчатой рубашке, на спине, темнела грязная полоса. Шатания по пропитанным пылью комнатам не прошли бесследно. Сам воздух пачкал кожу, оседая темными пятнами в уголках губ, вокруг носа, на щеках.

Разбитая плитка зазвенела под ногами. Давно отвалившаяся штукатурка из-за царящей который день сырости раскисла, заполнив щели на полу бело-серой кашей. Пакость по-

скользнулся и упал бы, но успел схватиться за хлипкую дверцу кабинки. Та с противным визгом отворилась и сорвалась с петель, осыпав их двоих пылью.

– Твою ж... Ты посмотри!

Дышать можно было разве что через футболку. Натянув воротник до самой переносицы, Немо обошла Пакость и посмотрела туда, куда тарачился ее спутник. На боковой стенке последней кабинки, покрытой пузырями и волдырями осыпавшейся краски, уцелел побледневший от времени, но еще вполне различимый рисунок, которого по задумке оформителей точно не должно было быть. Лицо – черное пятно – и белые огромные пятна глаз, лишенных радужки и зрачков, смотрели снизу вверх, гипнотизируя и пугая. Впрочем, сам рисунок был и вполтину не так зловещ, как корявая крупная надпись рядом с ним: «Если ты его слышишь – он близко. Если ты его видишь – он пришел за тобой. Тук-тук-тук».

Лицо нарисовали слишком давно, чтобы Немо могла понять чувства его создателя, но ей хватило и собственных эмоций. Сердце упало куда-то вниз. Ей на короткий миг показалось, что она уже видела это существо, сливающееся с темнотой, с двумя слабо светящимися слепыми глазами.

– А говоришь, место неподходящее, – фыркнул Пакость, рассеянно запуская пятерню в волосы. – У них тут заворот у всех был на этом Тук-тук-туке...

– И что теперь? – Вопрос был невероятно глупый, но, бук-

важно столкнувшись лицом к лицу с тем, кто таился в темноте и не давал спать, Немо не могла выдать ничего умнее.

– Одной рыжей морде уши накручу, а там посмотрим...

– Кому?

Пакость раздраженно кивнул в угол, где валялись старые, заляпанные грязью кроссовки.

Глава 13

Защитник

«Не надо драться!»

– ЛИС!

От этого вопля, разнесшегося по корпусу, Кит подпрыгнул, от чего белые капсулы наушников вывалились из ушей и юркнули в щель между стеной и кроватью. Полуразряженный телефон заскользил за ними, но был пойман за секунду до побега.

– ЛИС! НЕМЕДЛЕННО СЮДА!

Прокуренный голос Пакости, разнесшийся эхом по melancholic холодному корпусу, трудно было не узнать. Его недруг откровенно скучал сегодня с самого утра, и, видимо, таскаться с единственной терпящей его Немо и действовать ей на нервы ему надоело. Теперь он искал себе новую забаву. Никаких других объяснений в голову просто не приходило.

Может, он и заблуждался относительно Пакости – как-то не возникало желания присматриваться лучше. Кит с момента их знакомства видел в нем только ленивого пофигиста, который шатался по округе и задирали со скуки всех подряд. Разве что Спящую не трогал, хотя ей прохода он не давал

по-другому...

Теперь, видать, выбрал себе новую жертву. Ту, которая уж точно не даст отпор. Слабейшего.

– Лис! Ты меня слышал?! – Пакость был уже на их этаже. – Марш ко мне!

Только за один этот командный тон хотелось расквасить Пакости физиономию. Не то чтобы Кит был уж таким ярым защитником слабых, но уж слишком крепкой была их связь с Лисом, ради которого он остался здесь. Да и давно было пора угомонить зарвавшегося типа.

В коридоре, слева от комнаты Кита, скрипнула дверь.

– Лис, он тут, – донесся робкий ответ рыжего художника. – Ты зачем ищешь Лиса?

– Чтоб голову ему отвертеть вместе с ушами! – огрызнулся Пакость. – Вот это что?!

Не дожидаясь ответа рыжего, Кит выскочил из комнаты, но опоздал. В дверном проеме комнаты Лиса мелькнула клетчатая рубашка Пакости, и дверь с треском захлопнулась.

Он влетел следом через каких-то несколько секунд.

Даже в самой теплой, в самой уютной комнате – во владениях Лиса – сейчас было холодно и пахло дождем. Кит мельком заметил, что синие стены не пустуют – коегде скотчем были приклеены рисунки, пять или шесть ярких пятен.

Хозяин комнаты, виноватый и испуганный, стоял, втянув голову в плечи, в то время как Пакость крепко держал его за предплечье, собираясь... Кит так и не понял, что он соби-

рался сделать. Пакошь стоял к нему спиной – тощий, сгорбленный и злой. Наверное, Кит уже видел что-то подобное у себя во сне, но тогда Пакошь вроде бы был меньше... Картинка ярко вспыхнула перед внутренним взором, наполнившись сотней мелких деталей, и сгинула. Не до нее было.

Не медля больше, Кит от души огрел Пакошь по затылку, от чего тот едва не рухнул на Лиса, и отступил на шаг, готовый к драке. Потенциальный соперник хоть и был выше, насчет силы Кит бы поспорил. Способности своих кулаков он знал хорошо.

– Ты больной совсем... – Ошарашенный Пакошь повернулся к нему, держась за затылок.

Лис моментально выскользнул из хватки и попятился, глядя на них круглыми желтыми глазами.

– Руки от него убери, – процедил Кит, внутренне радуясь, что можно наконец-то выплеснуть все накопившееся напряжение. Особенно когда выплеснуть его можно на главную его причину. Краем глаза он заметил, что в одной руке Пакошь держит грязные, совершенно убитые кроссовки, но гадать, кто их владелец, было некогда. Костлявый кулак, пропитанный запахом сигарет, просвистел у самого его носа, едва не задев, и стоило ему выпрямиться – этот же кулак врезался в живот, сгибая пополам. Разозленный болью, Кит кинулся в атаку и с совершенно садистским удовольствием заехал наконец-таки по глумливой физиономии...

Лис что-то испуганно кричал. За стенкой слышался то-

пот, и в комнате горьковато запахло яблочными семечками.

– Немо, не заходи сюда! – крикнула Спящая откуда-то из-за спины Кита и неожиданно вклинилась между ними – мягкая, теплая, домашняя. – ПРЕКРАТИТЕ ОБА НЕМЕДЛЕННО! – От ее командного крика зазвенели даже те стекла, которые не отреагировали на вопли Пакости.

Тонкие белые пальцы Спящей, слабые даже на вид, вонзились в плечи парней в тщетной попытке расцепить. Пусть сил бы у нее не хватило ни за что, но само вмешательство подействовало отрезвляюще.

– Ксюх, не лезь! – прорычал Пакость, глядя на Кита поверх ее головы.

Имя резануло даже его. Кит вздрогнул.

«Ксения? Оксана?»

– Прекратите оба, кому говорю! – второй раз голос Спящей сорвался, но смотрела она сердито, то на одного, то на другого. – Что случилось такого, что надо обязательно махать кулаками?!

– Его спроси! Этот псих влетел сюда и на меня накинулся! Лис, Лисеньш, ты где? Вот докажи ей! Ты же видел!

Лиса на прежнем месте не оказалось. Напуганный потасовкой мальчишка спрятался за тумбочкой – ветхим и ненадежным укрытием – и теперь затравленно смотрел на всех участников тарарама, выглядывая из-за нее. Увидев в желтых глазах слезы, Кит проглотил комок. Ну вот, хотел как лучше...

– Не надо драться, – пробормотал Лис и отчетливо всхлипнул.

Веснушчатый кулак смахнул с уголков глаз блестящие слезы, не дав им пролиться, и рыжий испуганно потряс головой.

– Не надо драться, не надо, не надо... – Голос его задрожал перед накатывающими рыданиями, и царящая за окном серость словно стала еще темней и унылей.

Дождливыми днями Лис откровенно грустил без солнца, но впервые за все время они видели его совершенно несчастным. Их маленькое персональное солнышко тоже не могло больше светить.

– Лис, Лисенок... Хороший Лисенок... – забормотала Спящая, которую эта картина потрясла чуть ли не больше, чем остальных. – Не надо плакать. Пойдем со мной. Пойдем? Поищем у меня на ноуте что-то яркое и интересное. – Она потянула его за руки, заставляя подняться, и обняла за худые плечи. – Пойдем, пойдем... И Немо заберем с собой. Ей тоже теперь отходить после этих двух идиотов. Пойдем.

Шаль упала на старую футболку – малиновое варенье на желтом бисквите. Лис, хоть все еще и всхлипывал, послушно шел со Спящей, шлепая босыми ногами по полу. Босыми ногами. Босыми.

В голове у Кита что-то щелкнуло. Этот щелчок вызвал смутное подозрение, что он где-то очень хорошо ошибся...

– Ксюх, да послушай ты меня! – взвился Пакость, но уже и вполтину не так сердито. Вид у него был больше виноватый,

чем злой. – Я кроссовки его нашел. Вот, забери! Он же снова разулся и забыл их. Хоть ты ему скажи, чтобы больше так не делал...

– Без тебя разберемся, – совершенно несвойственным ей тоном огрызнулась Спящая. Ее прощальным взглядом можно было замораживать спирт.

– А чего ты на него орал тогда так, если просто кроссовки принес? – не выдержав, спросил Кит.

Пакость, к его изумлению, вместо того чтобы рывкнуть что-то грубое в ответ, только обиженно фыркнул. Скула у него алела и медленно опухала, но пока он этого не заметил. Костлявые руки зашарили по карманам в поисках пачки.

– Я эти чертовы кроссовки уже раз десятый нахожу и ему возвращаю. Они от него убегают, видишь ли... Задолбал! Холодина стоит, а он разувается... Вот сейчас затемпературит, что мы будем делать? «Скорую» в эту глушь звать?! Аптек в округе точно нет!

Эта отчаянная тирада достаточно отличалась от привычных криков Пакости, чтобы воспринять ее всерьез. Кит хмуро потер ноющий живот, мысленно признавая свою вину. Пакость волновался за Лиса. И выражал это в привычной ему манере.

– Так ты поэтому?... Мог бы и нормально с ним поговорить... – Подтверждения уже не требовалось, но смириться со своим фиаско как защитника было не так уж и просто.

– Ну уж простите, как умею... – В руках бывшего сопер-

ника появилась привычная мятая пачка, и он почти беззлобно спросил: – Ты-то чего полез?

Вопрос был не такой уж и простой. Кит пожал плечами, толком и не зная, как сформулировать. От этого движения живот снова занял.

– Думал, ты его обидеть хочешь... Мало ли с чего... Я тебя не знаю.

– Защищал, что ли? – Пакость знакомо ухмыльнулся.

– Вроде как... – Кит сам не удержался и фыркнул на последних словах, понимая глупость ситуации.

Неожиданно он понял, что весь накал куда-то испарился сам собой, вместе с гневом и желанием подраться. Как в подтверждение этому, Пакость зашелся хриплым суховатым смехом, но тут же, ойкнув, потрогал скулу.

– Ну дела, ну дела, – покачал он головой и, неожиданно просмотрев на Кита каким-то совершенно незнакомым открытым взглядом, протянул ему на ладони пачку. – Куришь?

Глава 14

Провидец

*«Давай прикинем, что у нас
у всех крыша давно поехала!»*

– Вот такие дела тут творятся...

Сигарета таяла в пальцах Пакости, превращаясь в черно-белые крошки пепла и сизый едкий дым, витающий над их головами. Это была уже вторая. Первая умерла, еще когда он только начинал пересказывать Киту все, что знал о местных странностях.

В Беседку по такой погоде тащиться было не с руки, так что они расположились на лестнице, примерно на том месте, где впервые встретились. Кит – на изгибе перил, Пакость – напротив него, на полу, вытянув ноги на ступеньках. Как ни странно, а после короткой стычки новичок уже не раздражал его как прежде. Главным образом потому, что новичком-то, по сути, он уже не был. Освоился, оборзел, вон даже Лиса защищать взялся. Выпустив пар, Пакость неожиданно понял, что успел немного привыкнуть к этому хмурому парню, который, хоть и больше всех орал, что он не такой, кое-как начал вливаться в их компанию.

– Там он? – Кит махнул рукой в сторону темного провала коридора на первом этаже.

– Там, – поморщился Пакость и снова затянулся. – Хочешь полюбоваться?

– Не очень...

Что-то в хмурой физиономии Кита говорило о том, что он знаком с местным «барабашкой» не только по чужим рассказам.

– Я тебе все выложил, что знал. Давай теперь ты. Или ты таки ничего странного не замечал?

Собеседник хмуро посмотрел на него и недовольно нахотлился, от чего короткая шея совсем исчезла в воротнике темной ветровки. Молчал он достаточно долго, прежде чем соизволил дать ответ.

– Не знаю... Не верится все равно, – буркнул Кит и выдохнул. – Я его видел вроде. Не уверен. Потолок весь в пятнах, а дело было ночью. Просто глаза два белых на черном. Могло и показаться.

– Его видел?! – Пакость резко выпрямился, не зная, радоваться или сожалеть, что поленился пересказать Киту зловещую надпись рядом с рисунком.

«Если ты его видишь, он пришел за тобой». Вот только парень живехонек.

Пакость постарался ничем не выдать своих мыслей.

«Может, плюнуть на все эти пугалки? Может, Лис прав и нам нечего бояться? Ох, если б все так просто было».

– Не знаю я! – нахмурился еще сильнее Кит. – Не уверен. Меня еще Лис до этого накрутил. Все говорил, что на него кто-то с потолка смотрит. Рисунок этот дал...

– Какой рисунок?

– Свой. Со змеей в короне. Там с ним тоже не все просто. – Угрюмо-непроницаемое лицо Кита исказилось болезненной гримасой. – Или у меня просто уже крыша едет...

– Давай прикинем, что у нас у всех крыша давно поехала! – замахал на него рукой Пакость, поднимаясь со ступенек. Сигарета улетела на плитки и была потушена носком кроссовки. – Что с рисунком-то не так?

– Он тоже звуки издает, – тоном, выражающим скорбь об упокоенном здравом рассудке, ответил Кит. – Наверное. Шипит тихо.

– Нам только оживших Лисовых художеств не хватало...

Пакость видел рисунки Лиса, хотя толком не приглядывался, что на них изображено. Он знал обратную сторону этого творчества – кучу сломанных и затупленных карандашей, которые нередко терпеливо точил, сидя в одной из самых уютных спален корпуса и слушая нетерпеливое сопение художника.

Странноватый на всю голову мальчишка, которого они сегодня своими благими намерениями довели до слез, уже выглядел здесь не гостем, а коренным жителем. Лис идеально вписывался в жутковатое местечко со своими художествами и привычкой разговаривать с предметами. Еще миг назад ка-

завшийся безобидным чудиком, рыжий неожиданно превратился в темную лошадку. Пакость ничего о нем не знал. Никто не знал. Они вместе с Немо и Спящей дошли до того, что Лис, скорее всего, приютский, а в прошлом, может, и уличный. Сам Лис ничего толком не говорил об этом. Когда Пакость приехал сюда, – Лис тут уже был. Такой же рыжий, веселый и дружелюбный. А еще – Лис не боялся.

«А если он тут был всегда? Тьфу, бред несу... Что-то меня конкретно заносит уже».

– А если он и того нарисовал? – Кит кивнул в сторону туалета на первом этаже, словно прочитав мысли Пакости. – Он же был там?

– Кто? Лис? Нет, это точно не он... – Пакость вспомнил собственную встречу с Тук-тук-туком и то, как рыжий художник помогал ему отвлечься, и пристыдил себя. Нашел кого делать крайним. – Рисунок не новый, и Лис так не рисует. У него все яркое, куча цветов. Да и там надпись рядом, а я что-то сомневаюсь, что наш Лисеньш умеет так аккуратно буквы выводить.

Порыв изменившего направление ветра хлопнул входной дверью так, что по холлу прокатилось эхо. Где-то снаружи звякнуло, умирая, старое стекло. Звук – и снова тишина. Некогда солнечный, хоть и запущенный «Ец» превратился в гладкий, заросший тиной пруд. Кинешь камень, круги пойдут, и снова поверхность зеркальная. Правда, в глубинах этой глади такое водилось...

– Раз уж мы сегодня откровенно разговариваем, то у меня к тебе еще вопрос будет, – ни с того ни с сего напряженно выдал Кит, болтая ногой в такт своим мыслям. – Вопрос странный. Предупреждаю.

– Нашел кого странностями пугать.

Кит поднял на Пакость тяжелый, внимательный взгляд. Он заметно нервничал, и оттого видок у него был откровенно безумный.

«А еще орал, что нормальный...»

– Кто похоронен возле березы за серой оградой? – Хриплый голос звучал почти монотонно.

– Дед, – растерянно ответил Пакость и тут же одернул себя, понимая, что проговорился.

Незаживающая рана потери заныла так, что он забыл о скуле. Паломничества туда, на новое кладбище, на другой конец города, он совершал в одиночку, в любую погоду и любое время суток, когда становилось паршиво до такой степени, что сил терпеть больше не было. Пакость никому не говорил о своих походах на могилу деда. Хотя его никто и не спрашивал.

– Откуда?!

– Я предупреждал, что вопрос будет странным, – поморщился Кит, сползая с перил. – Не бесись. Я за тобой не следил. Не мог, это ж было до «Еца», да? Просто увидел...

– Увидел?...

– Не наяву. – Он снова поморщился, вцепляясь в свой сек-

рет и не желая его раскрывать. Пакость упрямо таращился, не давая возможности увильнуть от ответа. – Во сне.

– Когда?

– Не знаю. Я просто потом вспоминаю, что мне снилось. Сегодня вот это вспомнил... Все, не будем об этом... – Кит помотал головой и отступил на шаг. – Не люблю я эту тему.

– погоди! погоди! – Еще не усвоивший информацию, Пакость двинулся за ним следом. – Ты вроде как провидец наоборот у нас? Картины из прошлого видишь?

– Из будущего. Раньше было из будущего.

У Кита был такой вид, словно он сейчас бросится наутек. Такой же был у Немо в самые первые их дни в «Еще», после того как она рассказывала слишком много о том, что ловит от других людей. Просто никто не привык откровенничать на эту тему. Пока не привык.

– Я вот о чем подумал, – как можно миролюбивей обратился к Киту Пакость, больше не делая попыток его догнать. – Ты ведь можешь увидеть, кто сделал тот чертов рисунок и кто и зачем оставил надписи на кроватях?

– Я по заказу не могу, – мрачно процедил Кит, взглядом все же ища пути к отступлению.

– Ну попробовать-то можно?

– Попробовать – можно.

– Вот и хорошо. – Пакость очень надеялся, что его улыбка будет выглядеть дружелюбно. – Все, тема закрыта.

Отступив дальше, на площадку между лестницами, он вы-

ждал, когда расслабившийся Кит поравняется с ним, и с удовольствием отвесил ему неслабый подзатыльник.

– Все по справедливости! – тут же предупредил Пакость, не дожидаясь новой драки, к которой Кит, кажется, был вполне готов. – Ты мне два раза влупил! Теперь – порядок.

Глава 15

Великое переселение народов

«А почему боитесь?»

Он никогда не мечтал развить свою способность и прославиться за счет нее. Ну хорошо, может, когда-то и думал, но эта мысль скользила в потоке вместе с десятками остальных и не была удостоена внимания. Конечно, по-хорошему надо было бы смириться со своей «особенностью» и научиться использовать ее в своих целях. Например, предсказывать результаты футбольных матчей и на этом зарабатывать. Это означало принять себя целиком, перестать отрицать и бояться своих снов, что бы в них ни являлось, а до этого Киту еще было далеко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.